

Рауфа Кариева

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
про женскую
грудь

СУРОВАЯ ПРАВДА
о жизни и судьбе

18+

Рауфа Рашидовна Кариева

Печальная повесть про женскую грудь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538780

SelfPub; 2021

Аннотация

Три мои подруги в разные свои молодые годы ушли из жизни почти по одной причине. Почему по этой же причине не ушла из нее я? Ведь были все признаки надвигающейся беды. Но – нет. Я до сего дня жива и здорова. Об этом я размышляю в своей повести. Людям слишком впечатлительным читать повесть не советую.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Первый звоночек	16
Стирка	19
Марина	22
Зайтуна	25
Новые подруги	41
Тысяча мелочей	43
Глава 2. Второй звонок	44
Нижняя Дуброва	45
Грецкие орехи	46
Бедная родственница	52
ЛВ	55
Свежие булыжники	60
Ситора	63
Без вины виноватая, и невиноватая, но с ней	77
Обиды	85
Глава 3. Черная тетрадь	90
Черная тетрадь	92
Анора	98
Папа	110
И опять черная тетрадь	122
Новогодний кокос	127
Ципролетная пневмония	129

Тюремная болезнь	133
Второй перевал	143
Визитка смерти	145
Глава 4. Под занавес	149
Малосемейная весна	150
Ночной визит	153
Новый метеорит	155
Трудное решение	156
Синдром «Воркута-Ленинград»	158
Направо пойдешь...	160
Благодетель	162
Чип и Дейл спешат на помощь	163
Невменяемость	166
Анафема	169
Слезы по горной стране	170
Беседы о главном	172
Два «шанса»	174
План Барбаросса	176
Заключение	178

Рауфа Кариева

Печальная повесть про женскую грудь

Предисловие

Обращение к

читателю. 8 постулатов

Постулат № 1

Я не врач. И не психолог. И не народный целитель. Поэтому все, что написано в моей повести, нельзя воспринимать как медицинские советы, назначения или рекомендации.

Даже если в тексте повествования приводятся рецепты, наименования лекарственных растений и препаратов, заговоры и методики лечения, все это не следует рассматривать как информацию в стиле журнала ЗОЖ. Все перечисленное присутствует в тексте исключительно с целью иллюстрации моего тогдашнего – во время событий, описываемых в повествовании – состояния: физического, психологического, морального.

Тот факт, что я занималась самолечением, подробно описывается и признается публично, но и не в качестве призыва к подражанию, хотя и не для самобичевания. Просто подробное описание моего самолечения необходимо, как наглядное отображение хода моих мыслей, в связи с жизненными ситуациями, в которых я находилась.

Подробное описание моего самолечения иллюстрирует не только особенности моих размышлений, но и поиск выхода из затруднений морального и финансового свойств, отнюдь не означая пропаганду методов лечения, которые я использовала.

Более того, я настоятельно рекомендую всем читателям: если вы заболели, или заподозрили у себя какую-либо болезнь – срочно обратитесь к дипломированному врачу за помощью! Не занимайтесь самолечением ни в коем случае! Повторяю: я использую в своем повествовании околomedicalную информацию исключительно с целью более точного описания моих переживаний и мыслей по поводу лечения моего тогдашнего физического состояния.

Постулат № 2

Я хочу предупредить своих читателей, что при написании этой повести, как и при написании других моих литературных изысканий, я ни в коем случае не стремлюсь вызвать к себе жалость. Уверяю вас: я сильный и успешный чело-

век, здоровый, веселый и красивый. И в жалости я абсолютно не нуждаюсь. А если я и описываю порой довольно тяжелые жизненные ситуации, которые я преодолела в течение своего жизненного пути, собственные и чужие неудачи, и даже беды, так только для того, чтобы проанализировать все это как жизненный опыт. Я уверена, что все ситуации, в которые мы попадаем, и события, которые мы переживаем, даются нам неспроста. Они даются для следующего:

- обучения, чтобы мы стали мудрее и совершеннее;
- наказания (отработки) за ранее совершенные ошибки;
- испытания (проверки) – стали ли мы мудрее, сильнее и какие выводы мы сделали из жизненных уроков.

Все, что преподносит нам жизнь – плохое и хорошее – есть уроки. Их необходимо выучить. Понять: зачем, для чего жизнь заставляет нас получить такой, порой очень горький, опыт. Именно поэтому, а не ради вызывания жалости, я максимально подробно и без прикрас, перечисляю все события, которые я пережила в прошлом. Хочу понять, чему жизнь хотела меня научить, что она мне демонстрировала, устраивая испытания.

А испытания моя жизнь устраивала мне порой такие, будто я белье, и меня прокручивают в стиральной машине в режиме «интенсивная стирка».

Да, моя жизнь, при воспоминаниях о прошлом, часто видится мне как цепь сплошных неудач и разочарований. А в тот текущий момент, в реальном времени события, мне ни-

когда не было понятно, каковы причины ситуации, каковы настоящие последствия именно поступков того временного периода, и моих тогдашних решений. Поэтому я надеюсь, что сейчас, через много лет, мне удастся объективно оценить свои поступки и их значение для последующих жизненных событий. Сейчас, при написании рассказов и повестей, всех моих произведений автобиографического характера, у меня появилась надежда правильно и объективно оценить события моего прошлого.

Постулат № 3

Я пишу свои повествования, не имея цели найти виноватых в моих бедах и неудачах. Я не пытаюсь обвинить кого-то, даже тех, кто по фактам действительно поступал со мной плохо, обижал меня. В любых ситуациях, даже когда меня обижали и предавали, виноватых нет, кроме меня самой. Теперь я в этом уверена полностью.

Человек всегда является сам первоисточником, причиной всего, что с ним происходит – и плохого, и хорошего. А если я и включаю в описание своих событий характеристики других людей, и их действия, то делаю это отнюдь не с целью обвинить их во зле, причиненном мне, не с целью осудить их поступки, или излить свою обиду и негативные чувства в адрес этих людей. Описание поступков этих людей, характеристика их, даются мною в повествовании как анализ их

«работы» как моих жизненных учителей.

Все, с кем мы встречаемся в жизни, посланы нам для нашего обучения, или испытания, или наказания (отработки долга). Все они – по «заданию» судьбы, или провидения, или высших сил – наши учителя. Сыграли ли они в нашей жизни роль помощников, советчиков, или, наоборот, усложнили нам жизнь – все это они сделали неспроста, а как бы по заданию жизни, или каких-то неведомых нам могущественных сил.

Только теперь я понимаю, что это именно так. И поэтому я осознала бессмысленность осуждать кого-то, с кем я столкнулась по жизни, или обвинять их в чем-то.

Постулат № 4

Да, все люди, с которыми мы сталкиваемся на жизненном пути, являются посланниками, которых «командировала» жизнь. Это – вселенский закон.

По отношению к другим людям я и сама, по тому же закону, являюсь учителем. Но для анализа моей жизни и меня самой, в настоящий момент, когда я хочу сделать выводы о своей жизни, важно именно мое обучение и развитие. Поэтому на моей роли в чьей-то жизни я внимание не концентрирую. Это – первый момент постулата. И второй момент – в отношении меня самой, при анализе своего поведения в различных ситуациях, стараясь быть объективной по отно-

шению к себе, выявляю свои ошибки и просчеты. Признаюсь в слабостях и недостатках. Однако я делаю это не для самоуничтожения, самобичевания, клеймения или посыпания головы пеплом – самой себя. Нет. Я только анализирую свои поступки и пытаюсь понять, правильно ли я поняла урок, который преподнесла мне жизнь. И даже если констатирую, что я очень виновата в чем-то, это не значит, что считаю себя неизбывно виноватой, нуждающейся в клеймении. Но, в тоже время, даже если я привожу доводы, объективные причины, которые способствовали именно такому моему поведению, это не значит, и что я себя оправдываю, и ищу одобрения (неосуждения) со стороны. Как я уже, в прошлом, поступила – так и поступила. Ни поддержки, ни осуждения мне не надо. Я просто делаю анализ своей жизни. И все.

Постулат № 5

По поводу моих предыдущих рассказов мне написали некоторые читатели, что им становилось порой страшно от описания событий моей жизни. У них портилось настроение, и наворачивались слезы. Зачем, спрашивали меня они, излагается столько мрачных событий? Одна дама даже написала гневное письмо, что, мол, зачем я все драматизирую и пугаю народ.

Я этих людей не понимаю. И отвечаю на такие выпады следующее:

Извините, пожалуйста, но у меня в прошлом нет особо веселящих и развлекающих событий, типа «я пела в метро, а мимо случайно проходил продюсер с мировым именем. Он меня услышал, очаровался моим пением, и быстро сделал из меня поп-звезду». Или типа «я мыла полы в подъезде, а в дом этот по счастливому стечению обстоятельств и по какому-то импульсу, к своему другу детства, вдруг приехал мультимиллионер, наследник торгового дома Chanel, или заводов Ford. Он увидел меня, влюбился без памяти, и сразу женился на мне».

Извините, что не было у меня таких поворотов судьбы. И других ярких событий не было: женой турецкого султана я не была, и английский принц предложение мне не делал. Да и основать бизнес с нуля, стать владелицей многомиллионного состояния, а также заводов, «газет и пароходов», я не сумела.

Моя жизнь была такой, какой я ее описываю в своих произведениях. Разумеется, это взгляд изнутри меня самой. Но я очень и очень стараюсь быть объективной. И не для того, чтобы кому-то понравиться, или кого-то напугать, или найти сочувствие или одобрение. Мне не нужно ни одобрение, ни сочувствие. Мне нужно понять, почему в моей жизни были эти события, и правильные ли я сделала из этого выводы.

Я обычный человек, и в моей жизни не было судьбоносных для человечества событий. Но в тоже время, моя судьба не является уж столь трагичной, что кто-то даже может испугаться. Моя жизнь не страшная и, в той же степени, она

не юмористичная. Она просто – моя. Тем для меня и дорога. Это – мой жизненный путь исканий и опытов. Бесценных опытов. Зачем же я стану свою жизнь приукрашать, смягчать ее события, или придумывать красивые истории? Чтобы кто-то не напугался, или поразвлекался?

Еще – пугливым и напуганным читателям – хочу сказать следующее. Слава Богу, в моей жизни нет, и не было, криминальных, детективных, трагических событий. И в моих рассказах нет сцен насилия, описания тяжелых алкогольно-наркотических проблем и страшных, опасных ситуаций. Потому что их не было в моей жизни. Так что же пугает некоторых моих читателей?

Однако, все люди разные, и психика у всех имеет разную степень устойчивости. В связи с этим я делаю такое предупреждение. В повести, которую вы сейчас начнете читать, содержится описание некоторых тяжелых ситуаций из жизни людей, которых я знала. Есть и трагические моменты. Поэтому я прошу, если кто-то считает себя очень чувствительным, с тонкой, ранимой психикой, и знает, что является эмоциональным и впечатлительным человеком, пожалуйста, не читайте дальше. Сейчас нет недостатка в легкой развлекательной литературе – читайте ее!

Постулат № 6

Если во время прочтения повести вы поняли, что были

современником, свидетелем, очевидцем или даже участником описываемых событий, и не согласны с моей интерпретацией – напишите свою версию этих же событий. Напишите не хуже меня. И пусть существуют разные версии одних и тех же событий. Это даже интересно – узнать разные точки зрения.

А если вы просто захотите покритиковать меня и мое понимание этих событий, без грамотного и доступного для восприятия изложения своей версии и точки зрения, а просто ради критики, то прошу вас не трудиться сообщать мне о своем несогласии с моим изложением. Отрицательные – огульные – отзывы на свои произведения я не читаю. Педагогическое обвинение «ты не любишь критики», как отрицательное свойство характера, я на дух не воспринимаю. Да, не люблю и не хочу. Я даю описание и анализ своей реальной жизни, какая может быть критика? И кто критикующие? Они разве избраны в жюри Судного дня вместе с Архангелами?

Постулат № 7

Я не читаю отрицательные отзывы, но я читаю положительные. И всегда благодарю – письменно – за них. Не потому что я «падка на лесть», и не потому, что я жизненно нуждаюсь в одобрении и поддержке. Я очень радуюсь положительным отзывам, люблю их, читаю, перечитываю – потому

что радуюсь. Я радуюсь, что есть на свете мои единомышленники, способные понять меня и воспринять мой опыт для их собственного обучения и развития. И если хотя бы один человек, из всех десятков исписанных мною страниц, выберет хотя бы один вывод, который позволит ему подстелить себе соломку, прежде чем упасть... то мое писательство станет миссией. А это – повод радоваться.

Постулат № 8

Если во время прочтения повести вам показалось, что вы знали людей, о которых идет речь, то я вас уверяю: совпадение имен и событий, в вашем случае, совершенно случайно.

События из жизни других людей, которые описываются в моем произведении, происходили давно – 25 или 30 лет назад, также я не указываю фамилий, адресов, городов, где события происходили. И таким образом защищаю чужую частную жизнь, пусть даже людей уже нет в живых. В более поздних – хронологически – событиях чужая личная жизнь защищается мною изменением имен.

Если вам показалось, что вы узнали людей по характеристикам и описанию внешности, то я также уверяю вас: совпадение для вас случайно. Наша память порой искажает действительность, и может над нами подшучивать.

Претензии читателей, что я кого-то из людей, которых читатели якобы знали, узнали, вспомнили и т. п., будто бы

неточно описываю, даю неверную их характеристику, нарушаю хронологию событий их жизни, я не приму. Также я не приму претензии о том, что я обнародовала информацию о чужой частной жизни, ввиду их безосновательности.

Все события, описываемые в повести, абсолютны правдивы. Они были на самом деле. И списаны с «пленки» моей памяти, в моей интерпретации. Однако я все сделала, чтобы защитить чужие тайны. А для любителей выставлять претензии, выдвигать обвинения и критиковать ради самой критики я еще раз заявляю:

У меня нет намерений открывать чужие тайны, обидеть, оскорбить или причинить вред кому-либо. Любые совпадения с реальными лицами и персонажами в моих литературных произведениях, и в данной повести тоже, являются случайными и не могут быть расценены как намерение причинить вред конкретным персонам.

Глава 1. Первый звоночек

Говорят, что пришедшая вдруг беда – никогда не бывает столь уж неожиданной. Беда всегда заранее, заблаговременно, иногда очень задолго, шлет своего первого «гонца» – определенное событие. Мол, – пытается она заранее предупредить нас, – планирую подъехать к тебе, пришвартоваться, так сказать, у твоего причала. В народе такие сообщения-предупреждения с «гонцами» именуется «звоночки». Это как бы предупреждение судьбы: будь осторожен. Или: прими меры, реши вопрос, не нарушай закон. Если распознать этот сигнал-звоночек, понять его, узнать его как «первый звоночек», исправить что-то, или стать осторожнее, то беда и вовсе может отменить визит в твою жизнь. А если пропустишь звоночек, ничего не изменив в себе и своей жизни, то беда придет точно.

Иногда звоночков бывает два или даже три. Больше, как правило, не бывает – слать их по конкретному адресу уже некому.

События конца августа 1999 года как первый звоночек я не распознала. Я поняла их как предупреждение о необходимости принять меры только через два года, когда пришел второй «говец». Однако в августе 2001 года звоночек второй выглядел не как предупреждение. Я восприняла его как свой конец. Однако, все по порядку.

Заканчивалось очень жаркое лето 1999 года. Даже в стране «вечно зеленых помидоров», как некоторые называли Владимирскую область, помидоры покраснели на грядках. Обычно же их срывали зелеными уже перед холодами, и выкладывали на подоконниках. К Новому году помидоры бурели, то есть созревали окончательно.

Летом я много трудилась на огороде в поселке – к дому моих родителей прилагался участок в 6 соток. После работы искупаться было негде – женский день в поселковой бане был только один раз в неделю – и я придумала способ освежиться. С утра я приносила на огород ведро воды и ставила его на солнце. После окончания работы я раздевалась до купальника и прямо на улице – на огороде – выливала на себя эту воду.

За моими купальными процедурами наблюдали соседки. Они тоже работали на своих огородах справа и слева.

В этом поселке было много женщин преклонного возраста. Моим соседкам по огороду было за 80, но выглядели они прекрасно. Целыми днями буквой «зю» они стояли на огороде (я так наклоняться с прямыми ногами, и часами держать голову в наклоненном состоянии, почти как при стойке на голове в Йоге, не могу – при прополке я присаживалась на маленький табурет). А вечером эти бабульки надевали беленькие платочки, красили губы яркой помадой в стиле середины 40-х годов 20 века, и шли петь в хоре в местный Дом Культуры.

Бабулек в поселке было много, а дедов – раз, два, и обчелся. Мужчины там рано умирали. Потому что много пили.

Так вот мои соседки по огороду сделали мне замечание по поводу моих купаний: «Так делать нельзя, даже когда лето жаркое. Это – Россия (они знали, что я приезжая из другой страны). Здесь такой климат, что не заметишь, как тебя просквозит-продует. Заболеешь!»

Однако я к соседкам не прислушалась, и продолжала обливаться, а также бегать по огороду босиком. Соседки качали головами – сами они были обуты в высокие галоши и на шерстяной носок.

Лето заканчивалось, я не простудилась, не кашляла, и считала, что все отлично. Соседки в возрасте, поэтому такие осторожные, – решила я, – а не потому, что они в этом поселке родились и всю жизнь жили, знали климат и как нужно себя вести и беречь. Теперь-то я понимаю, что здоровье – это богатство, которое нужно беречь всю жизнь. И что такое долгожительство и выносливость деревенских женщин были следствием их мудрости, а не просто даром свыше. А я в то лето застудила свою грудь.

Стирка

Оставалось совсем немного времени до 1 сентября, когда я должна была приступить к работе на новом месте – во Владимире, в университете, на одной из кафедр престижного факультета.

Я снимала комнату в городе Гусь-Хрустальный (в народе коротко именуется «Гусь»), возле стекольного оптового рынка. Мне предстояло с сентября ежедневно проделывать серьезный путь во Владимир и обратно в Гусь, так как сразу снять жилье во Владимире мне было не по карману. А это на фоне новой работы было испытанием, но я настроилась и не боялась.

В своей комнате в Гусе я готовилась к новому, сложному и интересному периоду своей жизни, а также перестирывала и гладила одежду – в городе на новом месте работы хотелось хорошо выглядеть. В один день я натаскала воды к себе в комнату в ведрах, и села на корточки перед тазиком – стирать.

Сейчас мало кто стирает, сидя на корточках. Попробуйте – и станет ясно, что в этой позе правое колено упирается в правую грудь. Также было и у меня.

Я стирала и даже что-то напевала, но мне понадобилось потянуться за коробкой стирального порошка – немного вперед. И давление колена на грудь на секунду усилилось.

Эта секунда произвела неожиданный эффект. От давления колена – в груди возникла такая боль – по силе и необычности – что я, как от удара током, упала назад и ударилась о стену. Видимо, от страшной боли, я инстинктивно хотела вскочить, но потеряла равновесие.

Я сидела, облокотившись на стену, непонимающе смотрела на чуть не опрокинутый таз со стиркой, на рассыпанный стиральный порошок. Сердце у меня сильно стучало. От воспоминания о незнакомой доселе боли в груди мне стало жарко, и я покрылась испариной.

Я внимательно и осторожно осмотрела правую грудь, тщательно прощупала ее. Ничего. Все нормально и не больно. Ничего не понимая, я встала, достигала, на всякий случай больше не дотрагиваясь до груди.

Наступила ночь. Я легла спать. Все было хорошо и у меня ничего не болело.

Глубокой ночью я проснулась от невероятной боли. Сердце вырывалось из груди, а я вся обливалась липким потом. Видимо, во сне я резко вскинула правую руку за голову, и это спровоцировало повторение боли в груди. Теперь сама грудь ныла и болела от такого мощного разряда боли. Я не спала до утра, и не знала, что же мне предпринять.

На следующий день мне стало хуже. От любых движений боль повторялась. Мне было очень страшно. И нужно было с кем-то посоветоваться. Мысли о посещении врача у меня не было – прописка у меня была «левая». Там, где я была

прописана раньше – в служебном жилье – меня не выписали негласно, в нарушение закона. Моя подруга Лизонька была мэром поселка и ведала прописками. Она и «прикрыла» меня, не выписала, чтобы документы у меня были в порядке – внешне. «До лучших времен и пока я при должности», – сказала мне она.

Я стала думать, кто из людей может что-то знать в отношении болезней женской груди. Осторожно спрашивала людей. В том поселке, где я раньше работала, была такая женщина. Она заболела после смерти в автокатастрофе мужа и сына, перенесла несколько операций по удалению молочных желез. Женщина эта постоянно ездила в областной центр на повторное лечение, периодически ей проводили «химию». Она была на инвалидности. Ни с кем не общалась. Поехать к ней я не решилась.

В деревнях все слухом полнится, и мне рассказали, что в другом поселке живет семья Орловых. Их дочь, которая живет в другом городе, перенесла операцию по удалению груди. Она женщина общительная, добрая. Можно с ней познакомиться и поговорить. Приезжает она к родителям по выходным.

Я поехала познакомиться с этой женщиной. Ее звали Марина.

Марина

Марина оказалась приятной, невысокой, худенькой женщиной, старше меня немногим более чем на 10 лет. То есть ей было в тот момент чуть за 50 лет. Марина внимательно выслушала меня. И рассказала мне свою историю:

Всю жизнь она была замужем за прекрасным человеком. У них выросла хорошая дочь, родились внуки. Счастье было полным, а жизнь – безоблачной. У них была прекрасная квартира в городе и материальный достаток, так как муж занимал очень высокий и важный пост.

Несколько лет назад, продолжила рассказ Марина, – внезапно пришла беда: муж скоропостижно скончался.

Для Марины жизнь остановилась. Ее больше ничего не радовало. Она ничем не интересовалась. Ровно год она просто сидела дома, смотрела в одну точку, плакала, горевала и страшно тосковала о своем любимом муже.

А через год у нее заболели груди. Как у меня сейчас. И она пошла к врачу. Ее тут же положили в больницу и стали готовить к операции.

Сейчас, – говорила мне Марина, – я понимаю, что заболела от тоски. Женская грудь является органом-мерилом-индикатором женского счастья или несчастья. Надо было отвлекаться, найти какое-то утешение, а не просто неизбежно горевать. И тогда можно было бы не заболеть и не потерять

грудь.

Марина перенесла операцию. Кажется, в медицине это называется мастэктомия.

Уже когда Марину выписали из больницы, и она успокоилась, смирилась и с потерей мужа, и потерей груди, приобрела протез женской груди, и стала его носить, «пришли» результаты «гистологии».

Биоматериал, который иссекают от тела во время операций, обязательно отправляют на исследование – называется гистологическое – для уточнения, какие клетки были причиной новообразования – доброкачественные или нет.

Так вот, результат гистологического анализа Марины был таков: «новообразования были доброкачественные».

Марина очень расстроилась. Ведь можно было не делать операцию. А лечиться консервативно. Однако ее лечащий врач успокоила ее: «Радуйтесь, что – доброкачественно. В другом случае пришлось бы сейчас начинать химиотерапию. А вы просто живите и радуйтесь».

Аргумент врача Марина сочла двояким. Можно радоваться. Но не сильно хотелось. Грудь то «отрезана». А Марина уже поняла, что не против была бы в будущем устроить свою личную жизнь, выйти замуж. Но теперь она – инвалид. Вместо груди – протез. Для женщины это – трагедия.

Марина очень хотела снова выйти замуж. И не потому, что она уже забыла умершего супруга. Но и не потому, что не мыслила своей жизни без мужчины в физиологическом

смысле. Я ее поняла: у нее на подсознательном уровне счастливая жизнь была нераздельно связана с состоянием «замужем». Всю свою жизнь она была счастлива в крепком и надежном брачном союзе. Другая жизнь, без мужа, просто не вмещалась в ее сознание.

Главный вывод из своих слов Марина сделала такой: лучше рискнуть своей жизнью и не пойти к врачам. Лечиться самой. Если нет «того самого – самого страшного (рака молочной железы, или РМЖ)», то тебе помогут народные и психотерапевтические методы. А уж если у тебя «то самое – самое страшное (РМЖ)», то очень маленькая вероятность, что ты выздоровеешь – Марина привела много примеров, когда, несмотря на операции и лечение, женщины все же умирали. «Я не буду тебе советовать, – сказала мне Марина, – решай сама. Но если бы вернуть тот момент, когда я решила обратиться к врачам, то я бы решила к ним не обращаться».

Марина обратилась к медицине, получила лечение, выжила. Но у меня был в памяти другой пример. С таким же диагнозом человек обратился к официальной медицине, получил лечение, и все равно не выжил. Это была моя сокурсница по аспирантуре Зайтуна.

Зайтуна

Зайтуна была моей дальней родственницей и сокурсницей по аспирантуре, на год младше курсом. А по годам она была моложе меня на два года. Ее знал весь университет, потому что до аспирантуры, и во время студенческого периода, она работала в отделе кадров университета, инспектором. Отдел кадров располагался в главном корпусе вуза. Что на улице Ленина, напротив помпезного здания ТаджикСовПрофа.

Зайтуна составляла кадровые приказы по личному составу – прием, перевод, увольнение, и, естественно, что все сотрудники вуза «проходили» через ее руки. Так же я ней познакомилась и я – по нашей дальнородственной связи мы никогда не встречались.

Моя дальняя родственница была полной, белокожей и очень высокой девушкой. Она была даже выше меня (мой рост 176 см). В глубине своей памяти я как на экране вижу Зайтуну, выходящей из Главного корпуса слева, не из центрального входа. Светит яркое солнце, но уже вечернее, а на Зайтуне шифоновое платье шоколадного цвета. Идет медленно, плавно. Она красива и несет себя величаво и достойно. Зайтуне было тогда 23 года.

У Зайтуны были достоинства внешности, которые котируются в любой нормальной культуре как истинная красота. Это очень высокая грудь при тонкой талии, пышные жен-

ственные формы, огромные бархатные глаза и необыкновенной красоты и густоты темно-каштановые волосы ниже плеч.

Зайтуна укладывала волосы на плечах крупными волнами, и это было настолько красиво, что можно было считать обладательницу такой прически сказочной принцессой – возлюбленной персидского царя древности.

Походка у Зайтуны была царственной. Она никогда не делала резких движений, поворотов. Плавно несла она свое крупное тело по дороге жизни. И никогда не носила обувь на каблуках. Стеснялась роста.

Мы с Зайтуной подругами не были никогда. Мы симпатизировали друг другу, но на расстоянии. Я была противоположным по динамике человеком – ходила быстро, поворачивалась резко (ко мне иногда применяли глаголы «маршировать», «гарцевать»). Волосы свои я собирала в тугой узел на затылке. Я настолько интенсивно двигалась, что если бы я вздумала сделать такую прическу, как у Зайтуны, то уже через полчаса мои волосы сбились бы в плотный клубок, свалились, и этот клубок распутать было бы невозможно – только срезать под корень. (Делаю оговорку для читателей, что речь идет о 1983 г. Сегодня я уже не совсем такая).

Однажды я заметила, что как ни приду на кафедру, не встречаю Зайтуну. Я заволновалась: не заболела ли она? Мне сказали, что Зайтуна заболела пневмонией и лежит в больнице. Я решила, что ничего страшного в этом нет, просто простудилась, выздоровеет скоро.

Через некоторое время, так и не встретив Зайтуну на кафедральных мероприятиях, я подумала: что-то долго слишком она болеет рядовой пневмонией. И я позвонила нашей общей родственнице Але, чтобы справиться о здоровье Зайтуны. Аля близко общалась с матерью Зайтуны и потому знала подробности.

Зайтуну положили в больницу с диагнозом «пневмония» и пролечили антибиотиками. Однако состояние и анализы не улучшились. Лечение не помогло, и продолжались вспышки температуры до очень высоких значений. Зайтуну начали серьезно обследовать. Потому и продолжает она лежать в больнице так долго.

Вспышки температуры я считала признаком серьезного воспалительного процесса в организме и расстроилась: заподозрила страшное. Мои подозрения подтвердились, когда через некоторое время Аля позвонила мне и рассказала, что Зайтуне поставили диагноз: РМЖ.

Зайтуне сделали операцию по удалению опухоли в молочной железе. Медики также убедились, что признаки пневмонии были неспроста – в легких уже давно были метастазы, которые давали перманентный воспалительный процесс. Впоследствии легкие Зайтуны постоянно давали клинику пневмонии и заполнялись жидкостью – ее периодически откачивали в стационаре.

Аля рассказала мне о своем понимании причин болезни Зайтуны. У молодой женщины был 2-хлетний сын. А муж,

которого Зайтуна безумно любила со школьных лет, недавно ушел от них. Полюбил другую. Зайтуна вернулась с малышом к родителям, они помогали ей в воспитании ребенка.

Тихая, молчаливая Зайтуна замкнулась в себе, часами дома молчала. Она решила заниматься наукой, чтобы отвлечься от переживаний. Поступила в аспирантуру. Однако предательство близкого человека никакой наукой не вылечишь. И, видимо, боль утраты материализовалась в опухоль.

Это была версия Али о причине болезни Зайтуны. И я сочла эту версию очень верной.

Зайтуна вернулась к учебе, работе. Однако последующие годы ее жизни были полностью наполнены бесконечным лечением, страданием, переживаниями. Усидчивая, правильная, порядочная женщина упорно училась, писала диссертацию, воспитывала сына. Очень часто лежала в больницах. Стойко переносила дополнительные медицинские вмешательства. Оказывается, она бесконечно в эти годы страдала.

Никогда и никому Зайтуна не рассказывала о своей любви к предавшему ее мужу. Она была однолюбом. Ее бывший муж был первым и единственным мужчиной в ее жизни.

Я узнала и о страданиях Зайтуны в эти годы, и подробностях ее биографии только в 1988 году. Часть – рассказала мне сама Зайтуна, часть я узнала от Али.

А тогда – я закончила аспирантуру и защитила диссертацию, получила диплом кандидата наук namного (на 2 года)

раньше Зайтуны, и больше ее не встречала.

А жизнь ее, оказывается, складывалась так:

Шло время. Несмотря на успешную операцию, постоянное наблюдение врачей, Зайтуне становилось все хуже. Рак не отступал. Повторные операции, «химия», облучения, препараты, откачки жидкости и другие манипуляции – это все стало неотъемлемой частью жизни несчастной женщины.

Несмотря на тяжелую болезнь, Зайтуна сумела написать и успешно защитить диссертацию. По распределению вышла на работу, на кафедру политэкономии одного ведущего вуза республики.

Но я какое-то время ничего не знала о Зайтуне. Меня полностью поглотили работа, семейные дела, новая собственная квартира.

Но однажды мне, дома у родителей, говорят: иди к телефону, тебе звонит какой-то неизвестный мужчина.

Я взяла трубку и услышала незнакомый мужской голос: «Здравствуй, Руфа. Это Зайтуна».

Теперь Зайтуна стала звонить мне очень часто – почти каждый вечер. Мы с ней подолгу разговаривали. Обсудили все-все-все. Очень откровенно, искренне. А ведь никогда подругами не были. Я и не поняла, почему она стала вдруг мне звонить и настолько открывать душу. Ведь, по сути, и всю жизнь, она была молчуньей, очень скрытной и замкнутой.

Сейчас я думаю, что разоткровенничалась со мной Зай-

туна от переполнявшего ее в тот момент одиночества.

Я очень жалела Зайтуну. И не жалела время, которое тратила на разговоры с ней. Хотя мне было страшно слышать ее грубый голос. Не ее, чужой, неестественный.

Зайтуна настойчиво приглашала меня к себе в гости. Но я не шла. Конечно, главной причиной – внешней – была моя высокая занятость. Я очень деятельный человек и у меня было много работы и забот: дом, ребенок, работа, спорт, да и свои проблемы со здоровьем. Высокий темп жизни, интенсивность жизнедеятельности я сохраняю и сейчас, в возрасте под 60 лет. Можете себе представить, как все кипело у меня, когда мне еще не исполнилось и 30!

Но внешняя причина не была главной. Я боялась.

Зайтуна больше не скрывала свои проблемы. Она рассказывала все подробности пяти лет, которые прошли с момента той первой госпитализации, еще в аспирантуре. А сейчас, пожаловалась мне она, у нее то ли от приема гормонов, то ли от «химии», появились мужские признаки. Огрубел голос и стали расти усы и борода. Она ежедневно брилась. Также у нее выпали ее прекрасные волосы. Она носила парик. В те времена, в 80-е годы, еще не было красивых естественных париков, какие есть в настоящее время. Парик у Зайтуны был ужасен. Она сказала мне, насколько она страдает, что превратилась в такое чудовище. С накладными грудями и накладными волосами. Да еще и почти двухметрового роста.

Насчет роста. Когда от Зайтуны ушел муж, кроме боли от предательства, Зайтуна, оказывается, переживала еще одну: с таким ростом – выше 180 см – она не имеет больше шансов на любовь, счастье, замужество.

Когда Зайтуна вдруг поделилась со мной переживаниями по поводу роста, я ее очень хорошо поняла. И вот почему.

Моя мама внушала нам с сестрой с юных лет, что нам надо сторониться высоких мужчин и в мужья выбрать мужчин меньше себя ростом, с маленьким размером ноги. И обязательно – чтобы наши свекрови были очень маленькие. Очень смешно думать об этом сейчас, но мы с сестрой так и поступили (как и примитивные амебы, мы выбирали партнеров не по любви или взаимопониманию, а по размеру). Мой рост 176, а у сестры – 174. Наши мужья были на 5–7 см ниже нас, с маленькими стопами, и очень маленькими татарскими мамами – по 140 см каждая. С подачи нашей мамы мы считали себя в связи с высоким ростом неполноценными. И задание мамы выполнили, оберегая свое потомство – от маленького мужчины не родится «длиннобудылая» девка (как я), которую никто замуж не возьмет.

Я пишу это не потому, что осуждаю свою маму. Нет. Она очень хотела счастья своим дочкам. Но она жила в Средней Азии, где подавляющее большинство населения очень низкорослое, особенно местное население – таджики. И высокие люди там выглядели на фоне общей массы как атланты, гиганты. Рослых людей, тем более женщин, было бесконеч-

но мало. Мама очень страдала, что у ее дочек плохая наследственность из-за рослости. А своего мужа (нашего отца) она называла «уродом-великаном». Его рост был 186 см. Размер обуви – 45. Мама горько сетовала, что не подумала в молодости об этом, и вышла за такого «длинноту», у которого ботинки как «корабли», стоят в коридоре, и занимают все пространство. Но самое главное ее переживание было в том, что от этого «громилы» родились слишком рослые девочки (мы с сестрой), которым трудно найти мужа.

В молодости по этому вопросу я была согласна с мамой. Но позже, в России, я вдруг поймала себя на мысли, что боюсь своих студентов – они все такие большие, когда обступают меня со всех сторон и суют мне свои зачетки или рефераты. Мне стало странно, ведь я всегда была самая огромная! А тут вдруг я стала выглядеть как мышка. Потом, когда я работала на заводах, я составляла списки рабочих для заказа спецодежды – группировала людей по росту, весу, размеру обуви. И тут я опять вспомнила слова мамы про папу – «великан». А по спискам для заказа рабочей одежды было видно, что рост моего отца был даже ниже среднего по заводу!

Однако проблема роста стала смешной для меня намного позже разговора на эту тему с Зайтуной. А тогда я поделила ее переживания по этому поводу. Действительно, у нее были основания считать, что ей с таким ростом трудно выйти замуж.

Все рассказы и жалобы Зайтуны я принимала близко к

сердцу, часто плакала. Особенно я плакала, когда вспоминала, какой красавицей она была раньше. Образ царственной красавицы никак не вязался с ее грубым голосом и ее описаниями собственной внешности на текущий момент. И я боялась идти к Зайтуне в гости.

Даже сегодня я очень трепетно отношусь к внешнему виду. Я считаю, что красивая внешность является важной составляющей женского счастья для любой женщины. Каждой очень хочется хорошо выглядеть. Женственность и нежность культивируются, как условия нравиться. Качество кожи и цвет лица – как признаки здоровья. Макияж, украшения, одежда, обувь, одежда – все это очень и очень важно.

Однако сегодня мое внимание своей внешности – это капля по сравнению с тем, сколько внимания, заботы и переживаний тратилось в этом отношении 30-летнем возрасте. Казалось бы, должно быть наоборот! Молодость-то хороша само по себе. Однако дело не в усилиях по созданию красоты – она у меня была от природы. А в том, какое этой красоте придавалось значение. Это сейчас я не надену обувь на каблучке, потому что тяжело ходить, и мне все равно, что тапки портят общий вид. А тогда, в молодости, в самую жару я могла весь день ходить в изящной обуви, мучиться, страдать, но «выглядеть». И так в отношении всего-всего.

При такой щепетильности в отношении внешности и красоты услышать про проблемы Зайтуны для меня было так же страшно, как и про вселенскую катастрофу.

Не только мое, но и общественное мнение, мнение всех знакомых мне женщин гласило, что внешность и красота, привлекательность для мужчин – это суперважно. Это страшное горе – потерять свою красоту, как ее потеряла Зайтуна. Мысли у всех женщин, и у меня, и у самой Зайтуны были одинаковы – лучше умереть, чем стать безобразной.

Внезапно Зайтуна перестала мне звонить по вечерам. Прошло какое-то время. Я часто вспоминала ее и все собиралась позвонить сама. Но как – то не получалось. Ведь разговоры не получались короткими, нужно было выбрать время.

Однако вскоре мне позвонила Аля и сказала, что Зайтуна лежит в отделении онкологии республиканской больницы Кара-Боло. Она умирает. И еще Аля сказала, что Зайтуна просила передать, чтобы я обязательно пришла к ней попрощаться.

Я знаю, что нужно выполнять просьбы умирающего человека. Мне было очень страшно, но я решила пойти.

На кухне пили чай моя мама и наш семейный врач Анна Семеновна. Я рассказала им, что пойду попрощаться с Зайтуной. Они обе, хором, начали меня ругать. Прямо-таки налетели, как коршуны. Аргументы «против» они привели сильные. Это – моя повышенная чувствительность, плаксивость, нарушения сна, частые и тяжелые приступы мигрени, и, самое главное: дважды в год я ложилась в больницу в отделение гинекологии, так как в возрасте с 27 (и до 32) лет у ме-

ня были циклические гормональные сбои, и очень серьезные. Без помощи медиков и госпитализации не обходилось. И потому заключительный аккорд разговора воспроизвела наш доктор такой: «Ты сама нездорова, тем более что поженски ты явно слабенькая особенно. А есть версия, что рак заразен. Тебе нельзя туда идти. Тебе гарантирован нервный срыв, как минимум. А как максимум, тебя будем хоронить вслед за Зайтуной».

И я дала обещание, что не пойду. Я согласилась не пойти не потому, что я такая послушная, и выполнила приказание старших женщин. Просто их слова стали озвучкой моих собственных внутренних страхов. И я выпустила на волю свою трусость, малодушие, слабость и неустойчивость. Я не пошла.

Прошло 25 лет с того дня. И мне до сих пор стыдно, что я не выполнила просьбу умирающего человека. Я не уважаю себя за этот поступок.

Зайтуна умерла через несколько недель.

Эти несколько недель я болела, была на больничном, и выполняла требование врача – постельный режим. И все это время я непрестанно думала о Зайтуне. Я горевала и переживала. Также я усиленно размышляла о смерти вообще. У меня дома было много журналов «Наука и религия» – подшивки за много лет – папа выписывал мне много журналов. Я перечитывала журналы и делала подборку статей на тему сущности смерти с разных точек зрения – религиозной, на-

учной, эзотерической.

Были статьи, описывающие состояние умирающих, и статьи о потустороннем мире тоже были. Я читала это все, и в моей душе царил ужас. Я представляла, каково сейчас Зайтуне: знать, что вот-вот подойдешь к этой черте, и очутишься там, по ту сторону. А что там – никто не знает точно. Даже авторы больших и подробных статей в журналах «Наука и религия». У меня промелькнула мысль, что надо было бы пойти к Зайтуне и отдать ей мою подборку статей. Чтобы как-то подготовиться, настроиться. Вдруг бы ей это облегчило состояние? Но я сразу отбросила эту мысль, ведь неизвестно, как бы все это воспринял умирающий человек.

На момент смерти Зайтуне было 28 лет. Родителям остался от дочери 7-летний внук, такой же красивый, как и его мать.

Ровно 5 лет врачи самоотверженно боролись за излечение этой молодой женщины. И все эти годы ее жизнь состояла из одних мучений и страданий.

Бывшего мужа Зайтуны на ее похоронах не было.

* * *

Вернемся, однако, в 1999 год, к моей беседе с Мариной.

Марина была со мной очень откровенна. Часто люди более откровенны с посторонними, например с попутчиками в поезде, нежели со своими близкими.

Я не стала посвящать Марину в свои проблемы, например, что я не могу обратиться к врачам из-за прописки. Передо мной не стояла дилемма – идти к врачам или нет. Мне нужно было лишь найти способ помочь себе сиюминутно – снять боль, сохранить трудоспособность. Я не думала о сохранении своей жизни, здоровья. Мне нужно было только выйти вовремя на новую работу, получать зарплату и выжить. Какое-то время. А потом – все равно.

Сейчас я считаю мои мысли того времени неправильными. Мне надо было решать проблему иначе. Заболела? Надо было обратиться за помощью к родителям, прописаться у них, лечь в больницу по направлению, официально, обследоваться у серьезных медиков, получить лечение, проанализировать ситуацию. Отменив выход на новую работу. Но так как у меня не было финансовых возможностей на все это, надо было изыскать эти возможности, добиться получения бесплатной помощи – есть же какие-то организации, которые ведают этим. И в случае такого рационального поведения, Жизнь, Судьба, Вселенная увидели бы, как я ценю свое здоровье, свою жизнь. Что я берегу себя, забочусь о себе. И обязательно помогали бы мне. А я вела себя совершенно иначе. И жизнь сделала вывод: «сколько ее ни лупи, она ничего не понимает. Никому не доверяет, ни с кем не делится, взваливает на себя все больше и больше. Надо усилить давление на нее, переключить режим стирки на более жесткий. Чтобы поняла, как надо правильно мыслить и действовать.

Она должна изжить свой мазохизм!».

Но я вместо рационального поведения записала и запомнила советы Марины, и начала лечиться сама. Первое, что сказала сделать Марина, это сшить или купить два очень глубоких и закрытых лифчика. Как у наших бабушек в 50-е годы. Внутри чашек выстрочить все клеенкой. Это нужно для сохранения тепла и влаги вокруг молочных желез. Предстояло непрерывно делать компрессы. Капустный сок, свекольный сок, собственная моча. Марлеву ю салфетку надо было пропитывать теплой жидкостью и прикладывать на грудь, сверху лифчик с клеенкой, сверху очень облегающую футболку, а потом перевязывать шерстяным платком. Так как сказано было, что особенно полезна детская моча, то я съездила к маме и попросила собирать в бутылочку мочу моей маленькой племянницы. Маме я объяснила это косметическими нуждами – лицо отбеливать. Ежедневно я ездила забирать эту бутылочку.

На ночь рекомендовалось сделать повязку на грудь с мазью Вишневского и правую руку прибинтовывать к телу, чтобы во сне резким движением не вызвать приступ боли.

Также рекомендовались такие народные методы, как заговоры. Их нужно было «читать на воду на убыльный месяц, и пить ее на утренней заре и вечером»:

1. Исповедовал Иоанн Креститель, очищал и лечил души. Очисти и исцели рабу Божью (имя) от рака. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

2. Как речной рак пятится, так и ты, рак груди, уйди с тела рабы Божией (имя). Аминь.

3. Иди туда, где зимой пашут, летом снег гребут, где мертвые спят. Там тебя, рак, ждут. Слово крепко и лепко. Аминь.

4. Как яйцо в курицу назад не вернется, как палка – сухой сук – дубом не станет, так рак от рабы (имя) откачнется и отстанет. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Пока не вышла на работу, все эти процедуры – повязки, и другие рекомендации, я выполняла непрерывно. Но вот наступил сентябрь, и я начала работать. Новый город, новый коллектив. Ежедневные междугородние поездки туда-обратно. Невозможность применения мочи и прочих пахучих компрессов. Требование быть в нормальной одежде, а не в футболке поверх допотопного лифчика с клеенкой внутри.

Что делать? Как лечиться? Компрессы я стала делать только на ночь. Весь день страдала от болей, страха, утомления. В автобусе вечером по дороге к месту ночлега старалась забиться в кресло в углу и поплакать немного. Весь день нельзя было расслабляться. Начались лекции: я должна была быть красивой, уверенной в себе, грамотной и энергичной. Я держалась.

От нагрузки на голосовые связки, общего напряжения и утомления, ровно через неделю я заболела. Поднялась высокая температура, и начался ларингит. Горло болело очень сильно, как-то неестественно даже.

Я не могла признаться в болезни никому. Я пошла в аптеку и купила ампулы гентамицина. Почему именно это лекарство? Я помнила, что оно мне помогло когда-то при серьезной простуде (не успели в горах засветло спуститься с перевала в долину и ночевали на леднике). Вот и купила его. Купила также шприцы. И начала себе делать уколы. Продолжала работать и скрывать свое состояние.

Мое состояние заметила коллега Инна.

Новые подруги

Инна тоже была приезжей и снимала во Владимире квартиру. Она спросила меня, не болею ли я, что-то стала бледнее, чем была в первые дни. Я сказала, что возникли проблемы с горлом. Инна спросила, где я живу. Я рассказала, что пока езжу из другого города, а после первой зарплаты планирую снять жилье здесь. Она одобрила мой план, но предложила не ездить, а временно пожить у нее. Есть второй диван в квартире, которую она снимает, и ей будет веселей со мной. Ежедневно ездить из другого города – это страшный путь, сказала она. Тем более, что ты болеешь, адаптируешься к новой работе. Да и голосовая нагрузка – лекции читать – большая. Видимо поэтому, горло и заболело.

Я с радостью приняла предложение. Предложение человека, которого видела второй раз в жизни.

Неделю мы с Инной соседствовали. Вечерами мы с ней по 2–3 часа рассказывали друг другу разные истории и непрерывно хохотали. А по истечении этой недели я на остановке увидела объявление о сдаче квартиры, позвонила хозяйке, договорилась о переезде. Инна критично оценила квартиру, ее расположение, стоимость, одобрила и помогла мне переехать.

Инна была моложе меня лет на 10. Она была красивой, белокурой дамочкой с пышными формами. Очень впечатли-

ла меня ее коллекция нижнего белья. Я такого изысканного белья никогда не видела. Ажурное, тонкое, дорогое. Это были и боди, и традиционные виды белья. Пояса и ажурные чулки. Но самым интересным было то, что коллекция состояла из комплектов белья необычных расцветок. Например, красное, шоколадное, индиго, сирень. Оля пожурила меня: почему у меня столь старомодное белье?

Конечно, Инна заинтересовалась конструкцией моего ночного лифчика, с клеенкой. Пришлось пожаловаться: боли, страхи. И Инна рассказала, что на кафедре есть женщина, которая по этой части специалист – Валя. Состоит на учете в поликлинике, по этой болезни, много лет. Поговори с ней, посоветуйся, – сказала мне Инна. У нее не было никаких операций, она успешно лечится. Также она очень счастливая жена и мать, очень общительная и добрая.

Я так и сделала. Получила я от Валечки много дельных советов, рецептов. И я до сего дня с этой прекрасной женщиной переписываюсь.

По совету Валечки я отказалась от экстремальных способов лечения – мочой, и ношения лифчика с клеенкой. Вместо этого я стала пить таблетки Мастодинона и делать повязки с Мазью Окопника.

А также, несколько позднее, я завела себе пару комплектов очень красивого белья, как у Инны, в том числе и красного цвета. Я сочла, что она права: у настоящей женщины обязательно должно очень красивое белье.

Тысяча мелочей

Переезд на съемную квартиру возле магазина 1000 мелочей ознаменовал начало нового, более спокойного и относительно благополучного периода жизни. У меня были заработки. Коллеги по работе приняли меня в свою производственную семью. Хозяйка квартиры была хорошая. Дочка училась в университете.

Какое-то время грудь у меня еще болела, я продолжала ее лечить, но постепенно боли прекратились. И я забыла об этой болезни.

Не сказать, что в это время не было проблем со здоровьем. Были. Болели ноги, руки. Я постоянно их лечила. Вспоминала свои прошлые проблемы, пыталась их анализировать. Связывая болезни с проблемами. Но про грудь я больше не вспоминала. Все было нормально. В целом нормально.

И так прошло два года.

Глава 2. Второй звонок

Прошло два года моего проживания в съемной квартире возле магазина «Тысяча мелочей». К сожалению, мне пришлось срочно переехать на другую квартиру в июне 2001 года. Съезжать нужно было срочно, так как хозяйкина внучка выходила замуж и хотела жить в этой квартире. Мне пришлось обратиться в агенство, мне нашли дорогую квартиру, с предоплатой вперед за два месяца, да еще и с вознаграждением риэлтору. На это ушли все мои отпускные.

Нижняя Дуброва

Я переехала на край города – в спальный район «Нижняя Дуброва». Квартира была просторная, чистая, красивая, в огромной новенькой высотке. Все бы хорошо, только сердце мне щемила грусть. Жить-то особо мне было не на что. Надо было как-то дотянуть до сентября, а потом еще прожить сентябрь, и тогда была надежда заработать деньги.

Я бы не решилась на такую квартиру изначально. Но у меня был заказ на написание диссертации одному богатому человеку. Он привез мне еще на старую квартиру компьютер и аванс. На этот аванс я и питалась все лето. И смутно предчувствовала, что человек передумал. Что-то долго не звонил.

Летом я жила очень экономно, и постоянно искала кого-нибудь, с кем делить квартиру и квартплату пополам. И не находила. Мне было очень грустно и страшно: как жить дальше?

Два летних месяца прошли, оставалось совсем немного до начала учебного года. В течение учебных семестров жилось веселей из-за возможности подработок. А официальная, по ставке, зарплата была такой, что ее не хватило бы на оплату жилья (тютелька в тютельку хватало моей зарплаты на оплату той, прежней, квартиры). Новая квартира была подороже, и я замирала от страха, что не удастся сводить концы с концами.

Грецкие орехи

В конце августа начались в моей жизни события, которые потом, при воспоминаниях, выглядели, как камнепад в горах. Сначала один камешек, потом второй, а потом сразу много. Однако, по порядку.

Прилегла я как-то на диван почитать журнал. Лежу, читаю, а журнал держу в левой руке. Правая рука у меня лежала на животе, но в какой-то момент я неосознанно положила ее на правую грудь. И вдруг я перестаю читать и начинаю ощупывать свою грудь, с каждым мгновением все более холодея от ужаса.

В верхней части правой груди, ближе к центру грудной клетки, я нащупала уплотнение, сдвоенное, размером с два прикрепленных друг к другу грецких ореха.

Я выбросила журнал, села и стала внимательно осматривать и пальпировать грудь. Не показалось. Уплотнение. Как я раньше-то не замечала? Что это?

В голове всплыли воспоминания о болях в этой же груди двухлетней давности, и страшная мысль стала сразу доминантной: тогда, с болями, был первый звоночек. Его залечили, но причину болезни не искоренили. Болезнь затаилась и подспудно развивалась. И вот теперь она оформилась во вторую стадию – второй звонок. Возможно, что последний. Боль в груди два года назад трансформировалась в опухоль –

большую, страшную, и абсолютно безболезненную. А это и есть самый главный признак того самого – самого страшного – РМЖ: не болит.

Последние дни августа были посвящены размышлениям по предстоящему развитию болезни. Сколько времени это будет длиться? Сколько я еще смогу работать и нормально выглядеть? Конечно, мыслей о лечении официальном, у меня не было. Мне предстояло в сентябре до первых денег поститься. О посещении врачей – про платные приемы я уже знала – не приходилось даже мечтать.

Наступил сентябрь, и «камнепад» усилился. Стало ясно, что заказчик диссертации не придет. Передумал. Следующий камень упал на меня на первом заседании кафедры. Зарботков – дополнительных – в ближайшие 5 месяцев у меня не будет. Сменилось руководство вуза, произошел недобор студентов на коммерческие отделения, прикрыты некоторые другие проекты.

Во Владимире существовали сложившиеся социумы, в том числе и по нашей специальности. Зарботки распределялись внутри этого социума по особым законам. Когда работы было полно, меня проверили на профпригодность, лояльность и дружелюбие, а потом допустили к распределению. И два года мне было жить сытно. Но как только ситуация ухудшилась, вспомнили, что я «чужая». Политика «каждой сестре по серьге» там не проводилась. При сокращении «пастбищ» в целом, их перекрой происходил по принципу – «сна-

чала своим, потом чужакам». Перекрой осуществлялся по всему городу. Поэтому, потеряв возможность подрабатывать в стенах своего вуза, я потеряла еще два места – эти «пастбища» также пошли в компенсацию нормы заработка сначала «своим».

Такая политика характерна для маленьких провинциальных городов, и, наверное, она обосновывается житейской мудростью. А вот на московском заводе, когда был кризисный год, доходы распределяли по принципу «всем поровну». И в этом я увидела проявление демократичности и человечности.

Итак, стало ясно, что у меня в ближайшие полгода будет минимальная ставка – официальная зарплата, которой не хватит даже на аренду квартиры, и все. Ни на еду, ни на транспорт, ни на лечение – денег у меня нет.

Эти факты в совокупности с двумя грецкими орехами в правой груди, повергали меня в уныние. Однако я попыталась взять себя в руки и искать выход.

Я решила, что нет работы и денег, зато есть время. Я видела свое расписание – три пары в день 5 дней в неделю, в первой половине дня. Все остальное время я совершенно свободна.

Преподавательской работы на этот период не найти по вышеуказанным причинам, так нужно найти другую, временную работу, решила я.

И пошла искать. Искала-искала и нашла. Недалеко от мо-

его дома находился большой, построенный еще в советские времена, ресторан «Море». И там требовался кухонный работник. График работы с 12 часов ночи до 6 утра. Зарплата неплохая, с учетом возможности там же поесть. Что осталось.

Я никогда раньше не работала в ресторанах, и мне было страшно. Но успокаивало то, что работа ночная, когда уже нет посетителей. Это гораздо легче, чем когда ресторан работает, решила я.

Конечно, внутренний голос все ставил под сомнение: ты же нездорова. Как же ты справишься с непривычной ночной работой, если у тебя будет ухудшаться ситуация с грудью? И при этом утром ты должна будешь читать лекции студентам!

Но я эти мысли откидывала. Моя любимая фраза была всегда наполеоновская – «надо ввязаться в бой, а дальше будет видно».

От принятого решения я успокоилась.

Однако на следующий день на мою голову упал еще один камень. Меня вызвал заведующий кафедрой и выдал мне целую речь:

«Я решил на будущее подстраховать тебя от спадов по заработку, и отправляю тебя на учебу. До обеда ты будешь проводить лекции и семинары, а с 14 до 18 часов, 5 дней в неделю, мы (руководство вуза) отправляем тебя в Областной институт повышения квалификации. Уже оплачен серьезный полугодовой курс, как второе образование, по бухгалтерско-

му учету. После окончания этого курса я тебя пристрою работать по совместительству в одну из фирм, где являюсь соучредителем, а как наберешься опыта, начнешь читать курс по бухучету студентам – вечно у меня проблема по закрытию этих часов. Кстати, эта учебы зачтется тебе как повышение квалификации на ближайшие пять лет, и будет гарантией прохождения следующего конкурса (для продления трудового контракта)».

Мой заведующий кафедрой В. Н. был очень хорошим человеком. Я до слез была тронута его заботой о моем будущем. Про «Море» я ему ничего не сказала. И о том, что я не надеюсь прожить более полугода из-за предполагаемой страшной болезни, – тем более.

Мне стало ясно, что в ресторане я работать не смогу. Если там работать, то я не смогу до обеда 6 часов читать умные лекции студентам, а после обеда 4 часа изучать страшную новую науку. Да еще так тщательно, чтобы потом оправдать надежды на меня, по работе бухгалтером.

10 часов в день – напряженной умственной работы – мне были обеспечены. Только не было обеспечения материального по оплате жилья, транспорта и питания. Про лечение я даже не думала!

Но я стала думать дальше, что же предпринять. Как вариант, снять другое жилье, дешевое? Опять надо заплатить риэлтору и сделать предоплату за несколько месяцев. Нет возможности.

И тогда я решила обратиться к своим родственникам в этом городе, у которых была хорошая просторная квартира.

Бедная родственница

Я очень мучилась, решив это сделать. Изнутри меня грызла гордыня. Идти просить... Потом жить в чужом доме... На положении бедной родственницы. К тому же надо было сразу оговорить, что не буду платить деньги – я подготовила монолог, что проживание я отработаю уборкой, стиркой и приготовлением пищи.

Я очень мучилась: не хотела идти на поклон. И боялась отказа. Также я переживала, что в случае согласия, я заранее подставляю этих людей. Ведь если мой диагноз подтвердится, а болезнь будет прогрессировать, получится, что я изначально обманула людей и повесила свои проблемы на них.

Но я все же решила проситься к родне. Приняла решение, что попрошусь пожить у них до февраля. А если болезнь станет видна раньше, уйду. Молча. И таким образом, не подведу их доверие.

Мне даже не пришлось долго говорить и объяснять причины – родственники согласились меня приютить. И освободили мне целую комнату. Я переехала. И перевезла к ним свою оранжерею цветов, которую вырастила еще на квартире возле магазина «Тысяча мелочей». Мои цветы были настолько красивыми, что никто не возражал против них. И цветы были расставлены по всей квартире, а не только в комнате, которую мне дали для проживания.

Я была счастлива. Мне было где жить предстоящие полгода. Квартира была в центре, и до университета, и до института повышения квалификации, можно было ходить пешком, а значит, можно не тратиться на транспорт. Официальной зарплаты мне будет хватать на еду и лекарства. Все хорошо.

Мне было неплохо жить в этом доме – целых полгода. Да и домашней работы по стирке, уборке и готовке, по которой я обязалась вместо оплаты, было очень мало. Хозяева много работали, дома почти не питались. А так как их дети жили у родителей, то в выходные они уезжали их навестить, и я вообще бывала одна два дня.

Все это было бы даже отлично, если бы не мои «грецкие орехи» в груди. Пока я суежилась, устраивая свой быт, они резко увеличились в размере. И стали видны даже через свитер.

Я временно решила все свои житейские проблемы, и теперь предстояло что-то решать с болезнью.

Сейчас, когда все давно миновало, и я жива-здоровая, не так страшно вспоминать то время, о котором я здесь пишу. Но в то время мне было очень и очень страшно. И я начала продумывать причины и образы своих страхов, чтобы было легче встречать свою судьбу. А я тогда не знала точно, какова она – выживу я и ли нет. И решила, если суждено скоро умереть, то нужно тщательно к этому подготовиться.

У меня была книга врача-гинеколога и психотерапевта (ЛВ). И в ней я увидела подходящую к моему состоянию и

проблемам информацию.

ЛВ

Доступа к Интернету, как сейчас, в то время у меня не было, и мудрость и советы я черпала у людей и из книг. И я взяла книгу ЛВ за основу своих размышлений.

Я ни из кого не творю себе кумиров. И из ЛВ не творила. Просто другой книги не было. Я искала – не нашла. А тут все же врач, и мысли в ее книге мне были понятны.

И я стала читать эту книгу и конспектировать ее. И над каждой мыслью размышлять. А книга была большая – страниц 500. Было над чем подумать!

Я выписывала из этой книги более или менее понятный отрывок и думала. Например (это не цитаты, а произвольные куски текста в моем изложении, поэтому ссылку на источник я не даю – это относится ко всему тексту повести):

«Фиброаденоматоз молочной железы и рак. Граница между ними зыбкая и может исчезнуть в один миг. Сокрушает эту границу СТРАХ».

Страх. Я стала вспоминать свою жизнь, разные ее периоды. Какое слово говорила и какое чувство я испытывала чаще и сильнее всего? Оказывается, СТРАХ. Я всегда чего-то боялась: гнева, наказания, болезней, позора. А в последние годы – голода, потери работы, проблем у моего ребенка.

Я после этих размышлений пришла к выводу, что страх, как огромное темное существо – всегда со мной. Рядом. Так

на какое счастье и удачу я рассчитывала, если меня всегда от них «защищал» СТРАХ? Страх – это недоверие Жизни, Судьбе. А если я им не доверяла, то как же я могла надеяться на их подарки?

Тогда я решила на бумаге написать точно по пунктам, чего я конкретно боюсь в текущий момент. Чтобы понять, как страх искоренять. А искоренив страх, писала доктор ЛВ, болезнь можно победить. И вот что у меня получилось:

1. Болезнь груди начнет прогрессировать, и через какое-то время я не смогу работать. А значит, не смогу платить за жилье. Я останусь на улице. Это главный страх – страх умирать на улице. На городской мусорной свалке, где живут все бомжи, где грязно и полно крыс.

2. Болезнь, которую я у себя подозреваю, сопряжена с болью. У меня нет денег, чтобы обратиться за медицинской помощью. И нет прописки, чтобы искать бесплатной помощи. Я боюсь боли, мучений и страданий.

3. Просто страшно умирать.

Теперь надо было по каждому пункту что-то предпринять, чтобы страх исчез. И вот что я придумала.

По первому страху. Я не буду умирать на улице. Я узнала, что в городе есть хоспис. И меня туда обязательно возьмут, потому что, хоть и левая, но у меня все же есть прописка в области. Поехать по месту жительства и требовать медицинской помощи я не могу, чтобы не подставлять подругу, которая меня не выписала из служебного жилья. Но попросить

направление в хоспис – ни у кого не повернется язык отказать. Тем более, что это будет последняя просьба. Я позволила подруге и уточнила, не слишком ли для нее накладно терпеть мою проблему с пропиской. Она ответила, чтобы я не беспокоилась: все нормально. Также я разузнала адрес, и сходила и посмотрела на хоспис издалека. Вполне прилично.

По второму страху. Мне обязательно будут делать уколы от боли. Не может быть, решила я, чтобы умирающего человека лишили обезболивающих препаратов. Я уточнила: такие средства выписываются бесплатно всем умирающим.

По третьему страху. Этот страх искоренить пока не представляется возможным.

Разобравшись с одним отрывком из книги ЛВ, я приступила к следующему:

«С болезнью – РМЖ – связаны СТРЕССЫ:

1. Женщина обвиняет в том, что ее не любят.
2. У женщины чувство вины, что ее не любят, потому что у нее есть недостатки.

Если эти стрессы проработать мысленно, продумать, простить и отпустить, то рак уйдет».

Я стала думать, как все это конкретизировать, продумать и изжить.

Я стала вспоминать свою жизнь, искать, где и когда у меня были подходящие под постулаты ЛВ примеры.

Конкретно и вслух я никого не обвиняла, что меня не любят. Но стрессы такие в течение жизни я точно испытывала.

Более того, на тот момент времени я уже была абсолютно уверена, что меня не любит и не любил никто-никто на свете. Я даже не думала уже об этом, и не переживала. Я давно смирилась. Но если я заболела, как я поняла из текста книги, значит внутри меня, глубоко в подсознании, этот стресс все же «сидит». Его надо было вытащить на белый свет, продумать, проработать и отпустить. И я приступила к работе.

Я завела тетрадку. Вспоминала человека и писала его имя. Потом я мысленно прокручивала всю историю взаимоотношений с этим человеком, особенно «больные» моменты я отмечала в тетрадке. И после полной картины воспоминаний я начинала писать в тетрадке формулы:

«Я прощаю тебе, (имя), что ты меня не любил. Я больше не обвиняю тебя в этом. Ты свободный человек, и не любил меня просто потому, что наши отношения уже изжили себя, и мы больше не должны были идти вместе по жизненному пути, и должны были расстаться, и расстались».

Затем я писала: «Я отпускаю свой стресс по поводу взаимоотношений с (имя). Я больше не переживаю, что он меня не любил. Я прощаю сама себя, за то, что злилась, обижалась, держала зло и обвиняла человека в том, что он меня не любил».

И так я писала до тех пор, пока не исчезали отрицательные эмоции при конкретных воспоминаниях.

Работы такого плана у меня было полно. При воспомина-

ниях о своей жизни я поняла, что ситуаций, которые надо прорабатывать тщательно, болезненно и долго, как обрабатывают рану, у меня просто пруд пруди. И я не ленилась, трудилась. И что интересно, с каждым днем таких трудов, у меня становилось все легче и легче на душе.

Одновременно я прорабатывала стрессы, что у меня «чувство вины, что меня не любят, потому что у меня есть недостатки». Да, и это, оказывается, у меня было. Тяжелыми камнями висело оно на моей душе. Тщательной проработкой я скинула много булыжников, в том числе и 4 камня – самых свеженьких, повешенных на себя не так давно. Я вспомнила, что в течение двух лет, с 1997 по 1999, у меня было 4 очень похожих друг на друга эпизода. Явно, что это был жизненный урок. А поняла я это благодаря ЛВ.

Свежие булжники

В моей жизни, и я уверена, что в жизни каждого человека, есть много встреч и расставаний, неслучившейся дружбы и любви. Вспоминая такие факты и эпизоды в своем прошлом, я искала наиболее болезненные, которые нанесли существенные раны душе и сердцу. Находила, прорабатывала, прописывала, прощала и отпускала. Все по рекомендациям ЛВ.

Однако нашлись четыре очень похожих эпизода, совсем недавних. И я решила, что именно им принадлежит решающая роль в формировании моей болезни. Воспоминания об этих «булжниках» были очень болезненными и наиболее точно совпадали с ЛВ – формулой – «чувство вины за то, что меня не любят, потому что у меня есть недостатки».

Более ранние эпизоды жизни, когда кто-то проявил ко мне нелюбовь, или непонимание, или разлюбил, или не полюбил – были более простыми по составу. Я их назвала: «не нашли общий язык», «не смогли встретиться», «расстались». Это проработать было не так трудно. Но четыре «свежих булжника» были по составу другими, более сложными. И нанесли большой урон психике.

Это происходило следующим образом.

На горизонте, в поле моего зрения, внезапно появлялся вполне достойный мужчина. Мой ум начинал анализировать

внешние признаки, результаты наблюдений за объектом, и выдавал первичные решения: кандидат подходящий, достойный. Внутренним пониманием, шестым чувством, я начинала чувствовать, что аналогичные умственные процессы идут и в мозгу кандидата: он оценивает меня.

Но так как всегда достойных мужчин намного меньше достойных женщин, очень быстро выяснялось (на основе чувств, на уровне подсознания), что ум мужчины одновременно оценивает не меня одну. У мужчин всегда больший выбор, чем у женщин.

Далее я почему-то начинала чувствовать, как бы считать, мысли этого мужчины. Он думал. Сравнивал несколько кандидатур, анализировал, проигрывал сценарии будущего с каждой из потенциальных партнерш. Мы еще не были в реальности дружны, и не было никаких отношений. Даже общения плотного не было. Но мысли я «считывала».

Мужчина думал, кого выбрать. Трудный выбор. И вот он его делал. И выбирал не меня. И так четыре раза в течение двух лет. Разные мужчины, разные обстоятельства, разные «соперницы». И каждый раз меня не выбирали.

Эти мужчины не были мне близки и дороги. Но их выбор не в мою пользу нанес большой урон моему самолюбию, женскому самоощущению. Почему? Теперь, стремясь найти способы избавиться от болезни, я была вынуждена вернуться к своим мыслям по этому поводу и все проанализировать.

У меня была неверная установка. После того, когда я по-

нимала: выбрали не меня, я не делала правильный вывод. Например, что мы не созданы друг для друга, нам по судьбе не нужно быть вместе, нам не предназначено сыграть какую-то роль в жизни друг друга и т. п.

Я делала другой вывод: я недостойная. Я плохая. У меня много недостатков. Я мысленно составляла список достоинств «выигравшей» соперницы и убеждалась: у меня нет таких достоинств, какие есть у нее. Я не такая, и никогда такая хорошая, как она, не стану. Поэтому я недостойна любви, счастья, семьи.

А достоинств у соперниц было – бесконечный список. Красота, молодость, хороший характер, нормальный рост, красивое телосложение, материальное благополучие, женская хитрость и мудрость. Для меня все это было недостижимым.

И с каждым из четырех похожих эпизодов у меня усугублялся имевшийся с детства комплекс неполноценности.

Немудрено, что у меня возникли проблемы с грудью. Я была уверена, что как женщина, я не представляю никакой ценности.

Наличие большого количества более достойных соперниц способно спровоцировать РМЖ. Это я знала давно и без ЛВ. В молодости у меня была подруга, которая заболела РМЖ именно по этой причине. Подругу звали Ситора.

Ситора

Папа Ситоры, гиссарский таджик, был ученым с мировым именем. На одном из факультетов университета учились по его учебникам.

Ситора работала в пединституте на той же кафедре, что и я. Мы дружили, но так как она и наша общая подруга Анора, были значительно старше меня, то дружба наша носила не равный, а больше наставнический характер. С их, Ситоры и Аноры, стороны, по отношению ко мне. Оно и понятно, 12–14 лет разницы в возрасте – это немало.

Я Ситору вспоминаю всю свою жизнь. Много мудрых и неординарных мыслей услышала я от нее за время нашего общения. То, что рассказывала мне Ситора, впоследствии я использовала в своей жизни. И ни в каких умных книгах в будущем я такой информации не находила. И не слышала ни от каких других мудрых женщин. Жизнь подтвердила, что Ситора была очень знающим человеком в области взаимоотношений полов, психологии мужчины и женщины. Она имела доступ к очень хорошим книгам на эти темы и много размышляла над этими проблемами. Видимо, именно эти книги не встретились мне на моем жизненном пути.

Ситора была очень смуглой, среднего роста, стройной женщиной. Красавицей она не была. Но эта женщина настолько тщательно и профессионально ухаживала за собой,

своей кожей, и внешностью в целом, что казалась несравненной красоткой.

Ситора учила меня мудрости, что главная красота женщины идет не от черт лица, сложной прически и дорогих украшений, а от выхоленной кожи, гладкой и нежной, как натуральный шелк. И вторым условием настоящей красоты, после ухоженности кожи, Ситора считала женственное поведение.

На Востоке вообще существовал культ женской красоты. Украшения, яркую одежду, макияж, совершенно невообразимый для российской, например, действительности – носили все женщины, даже независимо от уровня обеспеченности. Когда я уже жила в России, я заметила, что большинство женщин носит одежду невзрачных оттенков, почти не красят глаза, особенно в глубинке, и даже состоятельные женщины носят скромные золотые украшения. А если и собирались 10–12 российских женщин, то накрывался стол, ставилась бутылочка. Пели, судачили, сплетничали. И так несколько часов подряд. И расходились. Но если на Востоке собирались 10–12 женщин, то занятия несколько часов подряд были другими. Например, обычным делом было нажать сока Усьмы, и красить брови. Вытачивать памирский камень, и прокрашивать им корни ресниц. Расчесывать волосы и плести косы. Коллективно. Долго. При этом даже у небогатых женщин украшений было столько, сколько на елке в новогоднюю ночь. Восточная женщина тоже занималась трудом,

и по дому, и на производстве. Но – в бусах, серьгах и браслетах. Крупных, ярких. И с покрашенными бровями и ресницами.

Культ красоты был характерен для всех нас. Но у Ситоры он был доведен до совершенства.

Кроме достижения выхоленной до невозможной степени кожи и выверенного женственного поведения, Ситора очень дорого и с большим вкусом одевалась. Ее костюмы, платья, сумочки и обувь и сейчас не выглядели бы плохо, даже на светских показах.

Шелковая кожа, красивая одежда и нежное женственное поведение имели еще одно, усиливающее их воздействие, условие – Ситора носила необыкновенной красоты золотые украшения с бриллиантами, стоимостью в трудно произносимую цифру.

Такие роскошные украшения носили женщины из известных состоятельных таджикских кланов. К такому клану относилась и семья Ситоры, ее родители.

Здесь нужно сделать отступление по поводу понятия «состоятельность» в условиях тогдашнего времени – развитого социализма, расцвета общества равных людей. Несмотря на идеологические заверения о равенстве, и тогда были богатые и очень богатые люди. Источники этого богатства были разные: имя, известность, особые заслуги и достижения, а также доступ к дефицитным ресурсам и механизмам их распределения – через должности в определенных организациях, об-

ладание властью.

Некоторые семьи были богаты даже с позиции сегодняшнего времени. Однако это нельзя сравнивать с богатством буржуазных семей Запада, которое складывалось по 1,5–2 столетия в условиях рыночной экономики. Они – накапливали истинное богатство, за счет получения прибавочной стоимости.

В советской действительности было по-другому. Не надо было что-то особое производить. Главное – получить эксклюзивный доступ к каналам перераспределения материальных благ.

Богатство советских богачей, конечно, было несравнимым с истинным буржуазным богатством. Однако на фоне массы равных советских людей, живущих от зарплаты до зарплаты, некоторые семьи, действительно, казались богатыми сказочно.

Известные и состоятельные таджикские семьи брали в невестки только состоятельных девушек, и отдавали своих дочерей замуж только в соответствующие по достатку и социальному положению, семьи.

Когда подросток-Ситора повзрослела, она стала рассматриваться в определенных кругах как богатая невеста. Как и другие дочери богатых таджиков подходящего для замужества возраста. Но так как молоденькая Ситора была, мягко скажем, страшенькая, то процесс сватовства затягивался, и очередь из желающих на Ситоре жениться не стояла.

Несмотря на состоятельность семьи.

Этот факт был любимой темой разговоров Ситоры: она очень гордилась, что, будучи уже взрослой женщиной, «сделала» из себя красавицу – трудом и умом. Я согласна, такая красота более ценна, чем просто красота от природы.

А в то время, когда сваты проходили мимо их дома, Ситора плакала по ночам. Но совсем по другой причине. Она была влюблена.

Сын бессменного директора крупного магазина был писанным красавцем. Хоть снимай его в индийском кино. Высокий и стройный, с огромными глазами и соболиными бровями, роскошной смоляной шевелюрой, уверенный в себе, образованный и богатый, этот парень был для Ситоры «мужчиной ее мечты». А плакала она потому, что за этим парнем из очень небедной, даже вызывающе для тех времен небедной семьи, стояла огромная очередь из невест всех достойных кланов республики.

Ситора так и говорила мне: «Я стояла в самом конце огромной очереди красавиц, и даже отвернулась, чтобы не видеть, сколько их впереди меня и насколько они меня красивее».

Ситора ни на что не надеялась. На глаза любимому попасть не старалась – слишком смуглая, без каких-либо выдающихся частей фигуры, некрасивая на лицо, без роскошных длинных волос – а этим-то богатством, хотя бы, владеет большинство таджичек. А Ситору Бог красивыми волосами

не наградила – про такие волосы обычно говорят: «три волосинки, семь рядов».

Ситора понимала, что у нее слишком мало шансов. И она не сразу поверила своему отцу, когда он сказал ей, что ее засватали, он дал согласие, и надо готовиться к свадьбе. К свадьбе именно с этим парнем, с ее любимым. Ситора рассказывала мне, что в этот момент внезапно обрушившегося на нее счастья, она чуть «не рехнулась».

Свадьба – она была пиком, апогеем счастья, триумфом. Победой. Над той огромной очередью настоящих красавиц, бывших претенденток на мужа Ситоры.

Счастливое замужество в дальнейшей жизни оказалось для Ситоры счастливым весьма относительно. Она, конечно, безумно любила своего мужа. Однако о его любви к ней она никогда не рассказывала. И даже не вдавалась в подробности, как именно он к ней относится. Но о его поведении вообще – достаточно пикантном для женатого человека – рассказывала и сама Ситора, да и об этом шептался, а иногда и просто гудел – весь город.

Муж Ситоры оказался – насколько был красивым – настолько и любвеобильным. Примерно 1 раз в 2–3 месяца он влюблялся без памяти в очередную восточную красотку (а их на Востоке, как капель в море). И не просто влюблялся, не просто переживал бурный и страстный роман с африканскими страстями – причем публично и совершенно не прячась – но и объявлял об этом своей законной жене. С течением

времени он сообщал это не только жене, но и своим детям – всего Ситора родила ему 4-х детей.

Он сообщал своей супруге и матери своих детей, что он страстно полюбил другую женщину. Что это любовь навеки, и что он ничего не может с собой поделать. Затем он театрально собирал чемоданы и уходил.

С этого момента жизнь Ситоры превращалась в кипящий котел воды. Сама Ситора превращалась в комок нервов, в натянутую струну. Она не оставалась пассивной страдальницей. Она начинала войну.

Сначала она отправляла детей к своим родителям. Затем брала больничный или отпуск. И начинала «работать над ситуацией». Она ходила за парочкой (муж и его возлюбленная) по пятам, встречала и провожала их. Собирала досье на новую пассию супруга и устраивала ей телефонный «террор».

Ситора организовывала полномасштабную информационную войну. Теперь в курсе событий были все – рабочие коллективы, родня близкая и дальняя, соседи, друзья – и ее супруга, и ее соперницы.

По адресам проживания парочки, их родителей и родни, по всем номерам телефонов организовывался «прозвон, простук, прослуш» и наблюдение. Ситора вмешивалась в обычный ход событий: влюбленные не могли спокойно проводить время вместе, спать по ночам, а также вообще жить, дышать, работать, учиться, лечиться и передвигаться по городу.

При этом ухоженная, воспитанная и умная Ситора не устраивала истерик, драк и скандалов. Нет. Она спокойно, постоянно «случайно» встречала мужа, тихо взывала к его совести, апеллировала к его отцовским чувствам. Тонко подмечая какие-то изъяны, или узнавая компрометирующие факты биографии, его новой возлюбленной, «раскрывала» мужу на них глаза.

Отдельное внимание уделялось проведению психологической и моральной войны с соперницей. Ей звонили, встречали для душещипательных бесед, преследовали, звонили по ночам. Ругали, стыдили, уговаривали, предлагали вознаграждение за отказ от нового любимого.

Если новая возлюбленная мужа была замужем, и просто завела интрижку, дело принимало трагический оборот. К войне Ситора подключала мужа этой дамы и всю родню с его стороны. В этом случае страсти накалялись до предела, и конец борьбе за возвращение блудного мужа наступал быстрее.

В таких экстремальных условиях романы мужа Ситоры заканчивались, как правило, достаточно быстро. Никто не мог выдерживать такой огласки и давления. И блудный муж возвращался домой. К жене и детям. До следующей «роковой любви».

Мое схематичное описание процедуры возвращения Ситорой своего мужа в лоно семьи выглядит, возможно, несколько юмористично. Но в жизни это было не смешно. Это было тяжело, надрывно, почти трагично. Бедная женщи-

на глубоко страдала. Ее, как в Аду, постоянно подвергали одной и той же пытке – публичной измене. Это было унижительно, стыдно, ужасно.

А Ситора ни разу, после очередного ухода мужа из дома, не пересилила себя, и не приняла решение о расставании с этим человеком навсегда, не подумала о разводе. Она раз и навсегда решила: не отдам его никому. Любой ценой.

Но это решение не освобождало ее от страданий. Она видела, что соперницы моложе, красивее. И мучилась. Каждый раз огромное количество нервов и психической энергии она тратила, чтобы разрушить новую любовь мужа, не задумываясь, что разрушает сама себя, обрекая себя на публичные унижения и позор.

И ведь при этом титаническом напряжении нужно было ослепительно улыбаться, изумительно выглядеть, смотреть на мужа влюбленными глазами и демонстрировать наглядно: я лучше! Пусть я не такая красивая, молодая. Но все равно я – лучше твоей очередной новой любовницы.

То есть титаническое напряжение было двойным. И даже тройным. Ведь когда муж возвращался, нужно было обиду и боль загнать поглубже в сердце и душу, и продолжать быть самым очаровательным существом – улыбаться, ухаживать и ублажать супруга, заставить этого пресыщенного красавца вновь потянуться к супруге. Ему нужно было внушить, что он сделал ошибку, полюбив другую. И в таком напряжении нужно было пребывать до следующего романа. А там все «по

НОВОЙ».

Одновременно со всеми этими трудностями и напряжениями нужно было делать вид, что не замечаешь, как над их супружеской жизнью надсмехается «весь город» – слухи, сплетни и разговоры не утихали никогда.

Со временем любовницы мужа Ситора становились все моложе и красивее. А Ситора стала много болеть, поддерживать форму становилось все труднее. Четверо детей также требовали много внимания.

В возрасте 34–35 лет Ситора перенесла ряд тяжелых заболеваний, подолгу лежала в больницах. Она после этого уволилась из института, где мы с ней вместе работали. И не поддерживала более отношений со мной и нашей общей подругой. Не отвечала на наши звонки и не реагировала на наши попытки узнать хотя бы о ее здоровье.

Однажды я увидела ее в городе. Очень обрадовалась и кинулась ей навстречу. Но она резко отвернулась и перешла на другую сторону улицы. Выглядела Ситора очень эффектно, была красиво одета, но на лице были огромные темные очки – а было не лето. Мне это показалось странным.

Я позвонила нашей общей подруге и рассказала о встрече. Та ответила, что в городе ходят слухи: Ситора ведет себя необычно – ни с кем не общается, отключила телефон, и никто не знает, что с ней.

Через два месяца после этого разговора я увидела в Вечерке некролог. Ситора ушла от нас навсегда. В свои непол-

ные 37 лет. Это было почти тридцать лет назад.

Потом я узнала, что ее сломил рак – РМЖ. Оказывается, все ресурсы двух богатых семей – ее родителей и ее мужа – были брошены на спасение Ситоры. Ее постоянно возили в Москву для консультаций с лучшими медиками и для лечения в лучших клиниках (в те времена за рубеж еще не ездили, или я просто не знала об этом). Говорили, что ей несколько раз полностью переливали кровь, для того, чтобы очистить организм и активизировать иммунитет.

Ничего не помогло.

Более подробной информации о течении болезни Ситоры я не знаю. Но я уверена, что причиной ее болезни был огромный стресс, который она переживала в связи с ее самоотверженной и мученической любовью к мужу.

В прошлом году из нашего родного таджикского города приезжала моя подруга-однокурсница. Она живет в том городе и поныне. Она рассказала, что муж Ситоры теперь в том городе самый некрасивый мужчина. Он спившийся, опустившийся, вечно небритый и опухший тип, и у него нет ни одного зуба.

Если бы Ситора в то время, когда прощала этому мужчине страшные обиды, хотя бы на минутку могла заглянуть в будущее, каким он станет... А ведь его портрет 2012 года является, по сути, материализацией внутренней сущности этого человека! Я думаю, что тогда Ситора не стала бы столь самоотверженно бороться за свою любовь, пытаясь удержать

возле себя мужа, ценой собственного здоровья.

Ситора бросила свою драгоценную жизнь к ногам недостойного ее человека, лишила родной матери четверых детей, которые на момент ее ухода из жизни были еще мал-мала меньше. Причинила горе своим родителям, которым пришлось в преклонном возрасте воспитывать внуков, у которых теперь не было матери, и фактически, почти не было отца.

* * *

Мое понимание причин рака Ситоры, по ЛВ, было правильным. Ведь в книге ЛВ было написано:

1. Грудь расположена в области сердечной чакры. Поэтому стресс, приведший к раку груди, связан с любовью. (Спереди).

2. Снабжение грудей энергией происходит на уровне 4-го и 5-го грудных позвонков. А это – область любви и чувства вины. (Сзади).

3. Сзади расположена энергия воли, но ее уничтожает страх.

4. Молочная железа очень восприимчива к упрекам, жалобам и обвинениям.

5. Рак возникает, если женщина ненавидит свои груди. Часто эта ненависть переходит к ней от матери.

6. Если обнаруживается рак груди, нужно поразмыслить над жизнью. Наверняка есть стресс

«меня не любят».

7. Для активизации рака, кроме стресса, нужен стимулятор развития патологии – страх.

После размышлений над этими пунктами, я стала подробнее рассматривать понятия «упреки, обвинения и чувство вины».

В моей жизни, как наверняка у почти всех людей, этих трех понятий было предостаточно. Я очень страдаю всю жизнь от чувства вины по разным поводам. И даже сейчас, что бы ни случилось – я начинаю чувствовать виноватой себя.

Но тогда, в 2001 году, когда надо мной нависла угроза страшной болезни, нужно было как-то разобраться с этим, помочь себе освободиться.

Я часто, в течение жизни, с детства, слышала в свой адрес упреки. То я трудный ребенок, от которого нет покоя. То я часто болею – создаю всем проблемы. У меня ночной энурез – стыдно от людей.

Потом я простудила среднюю сестру. А потом я напугала младшую сестру. Также я нахватала кучу двоек и этим опозорила отца – уважаемого человека.

.....В общем-то, как у всех людей!

Потом были упреки, что я неудачница, не оправдала доверие, не сохранила семью, оставила ребенка без отца.

Далее были упреки, что моя подготовка диссертации и поездки в Москву оттянули много ресурсов семьи. И что мой

ребенок так часто болеет, что приходится содержать для него няню, чтобы я могла работать. А это большие расходы.

.....Ничего особенного. Как почти у всех людей.

И все это – было давно. Вряд ли это спровоцировало бы у меня рак груди. Но вот, при анализе своей жизни, я вспомнила недавнее, очень серьезное обвинение в мой адрес. И оно вызвало во мне бурю эмоций и тяжелейшее чувство вины.

Эврика! Этот факт вполне мог стать катализатором для подспудного развития рака! Вот как это было.

Без вины виноватая, и невиноватая, но с ней

Шел 1997 или 1998 год. Владимирская область. Я работаю на заводе в поселке «Новый». А родители мои живут в другом, соседнем поселке с названием «Красивый».

Навестить своего младшего брата, то есть моего отца, из Татарстана, где она всю жизнь жила, приехала моя тетя. Она остановилась в гостинице «Мещера» города Гусь-Хрустальный.

Я попросила у Директора разрешения на заводской «Волге» с водителем Серегой «быстренько стогнуть в "Гусь», чтобы повидаться с тетей. Директор разрешил.

Я поднялась в гостиничный номер.

Картинку вижу на экране своей памяти следующую. Я стою у окна гостиничного номера на втором этаже, смотрю в окно, вижу водителя Серегу, облокотившегося на автомобиль. Он ждет меня.

А я слушаю свою тетю. Она сказала мне следующее:

«Я в преклонном возрасте, но все же решила приехать и посмотреть, как живет мой брат, как он устроил свою жизнь, эмигрировав в Россию. И навестив брата, я уезжаю очень расстроенной. Мой брат живет очень плохо. Он болен. И ему не обеспечен надлежащий уход и медицинское обслуживание. Дом у твоих родителей плохой, без удобств. После хо-

роших условий жизни в Душанбе им очень и очень тяжело. Твои родители, Руфа, опустились на дно нищеты. И в этом виновата ты. Ты – молодая и здоровая женщина. Почему ты не можешь создать своим родителям нормальных условий существования? Потому что ты не любишь их и думаешь только о себе. Вот моя дочь (это моя двоюродная сестра), – продолжала спокойным и ласковым голосом говорить мне тетя, – меня любит. И поэтому я каждый вечер размышляю, в какой спальне мне сегодня ночевать – в розовой, голубой, или золотистой? А каждую весну я «мучаюсь» вопросом: в каком из загородных имений провести лето?»

Когда я выслушала эту речь, мне захотелось возразить: «Ваша дочь не попала в эмиграцию, не потеряла имущество, не оказалась в экономический кризис в другой стране без жилья, одна с ребенком. Ваша дочь ни дня не была не замужем. А мужем у нее всю жизнь был не слесарь, и не токарь. А не больше – не меньше, бессменный мэр одного из крупнейших промышленных татарских городов». Но я тут же осеклась. Потому что уверена: у каждого человека такие обстоятельства жизни, которых он достоин. И каждый свою жизнь создает такой, на какую хватает у него ума и способностей. Достоинства сестры, которые есть у нее, но отсутствуют у меня, помогли ей стать успешной бизнес-леди. А у меня нет мужа-мэра, квартир со спальнями разных оттенков и загородных имений, потому, что я их не достойна. В отличие от моей двоюродной сестры. И бизнес-леди я не стала. Пото-

му что у меня нет таких способностей и ума, как у нее. Людей вообще нельзя сравнивать. У каждого свой потенциал и стартовые условия.

Однако, тетя была права, подвела я итог. Я действительно виновата.

Я ехала на завод, и по щекам у меня текли горячие слезы. Это был не просто булыжник. Я взяла на свою душу огромную корявую глыбу вины. Весом с бетонную могильную плиту.

* * *

2001 год. Нужно было что-то делать с этой глыбой. Хотя бы распилить ее на части, чтобы легче было нести эту тяжесть по жизни. Я не хотела из-за этой глыбы умирать от рака под забором. И я принялась за дело.

* * *

Моего отца только моя мама считала «непутевым великаном». Все остальные люди считали его красавцем, умницей, душой любой компании. За глаза его называли «Великий Татарин». Он действительно был высокий, красивый мужчина. Блестяще образованный. Начитанный, коллекционер книг и бессменный заведующий кафедрой русского языка в универ-

ситете. Полиглот – сколько себя помню, он всегда говорил с каждым человеком на его, этого человека, родном языке. Дари, фарси, все тюркские языки – совершенно свободно. Голос у него был как у Паваротти. Со своей старшей сестрой – они пели дуэтом – в молодости он выигрывал все местные певческие конкурсы. Также он великолепно танцевал, и делал это до старости.

Лучшие годы жизни любого человека – примерно с 28 и до 44 лет. Я в этом возрасте скиталась по чужим углам, перебивалась случайными заработками, жила без семьи, одна воспитывала ребенка, шила себе и дочке одежду из уцененных тканей (и так же было в 2001!). Но мой отец в этом своем возрасте жил иначе.

Как почти все восточные мужчины, занимающие высокое общественное положение, он редко ужинал дома. Было принято для таких мужчин ужинать в мужских компаниях в ресторане. Папа любил свежайший шашлык и пил только элитный коньяк.

Я это пишу не потому, что завидую своему отцу. И сравниваю – как жил он с 28–44 лет, и как – насколько хуже – я, не в упрек. У каждого человека обстоятельства жизни таковы, каковы достоинства этого человека. Просто эти воспоминания помогли мне отколоть от глыбы один кусок. Да, сейчас отец на дне нищеты, но хоть в молодости пожил хорошо. Я рада, что он так хорошо жил в молодости. А также, не стоит мне сильно винить себя, думала я в психотерапев-

тических целях: «я и в молодости не пожила в кайф, да и сдохнуть могу в ближайшее время, и даже не в деревенском доме без удобств, а вообще, чуть ли не на помойке».

Следующий кусок от глыбы удалось отколоть при следующих воспоминаниях.

В середине 70-х годов, на фоне полного благополучия, в период развевания повсюду красных знамен, папины друзья (7 человек), занимавшие высокое общественное положение, вдруг быстро собрались и выехали со своими семьями из Таджикистана.

Папа не мог не знать причин этого, потому что эти причины в озвученном на нашей кухне виде помню даже я, своим детским умом. Друзья сказали, что ради будущего детей, обязательно надо уезжать. Первой причиной было: возможность более широкого выбора мест учебы, получения профессии в российских городах. И вторая причина касалась дочерей: обеспечить им больших выбор кандидатов в мужья (в будущем). В Таджикистане была четкая тенденция, даже в благополучные советские годы – русские ребята уезжали учиться, служить в Армию, в Россию, и, как правило, не возвращались. Невест, русскоязычных я имею ввиду, в республике было во много раз больше, чем женихов.

Некоторые отцы, имевшие дочерей, пусть еще и малолетних, как папины друзья, задумались о будущих зятях заранее, и решили уехать. И сказали об этом моему папе. Папа громко смеялся.

А один из этих 7-ми друзей, А. З., уехал не в Россию – в Европу. За 15 (!) лет он предсказал «гибель колосса на глиняных ногах» – Советского Союза. И считал, что следствием этого будут войны на окраинах погибшей империи: народы национальных республик начнут борьбу за свое самоопределение. Папа не поверил. Он обожал таджиков, и они отвечали ему взаимностью. Некоторые вообще думали, что он – таджик. Потому что по-таджикски он говорил лучше, чем сами таджики.

А когда, через 15 лет, все предсказанное начало сбываться, папа уже был тяжело болен. И не был способен принимать решения. И выезд родителей в Россию безнадежно затянулся. В Таджикистане цены на жилье из-за гражданской войны упали, а в России – выросли. Так что было счастьем, что родителям хватило денег хотя бы на покупку дома без удобств в российской деревне. Другие и этого не смогли! Приехав в Россию уже в пенсионном возрасте, родители получили минимальную пенсию. Размер пенсии был им назначен, как для не имеющих стажа вообще. И это – несмотря на более чем 40-летние стажи на высоких должностях. Причиной этого была неразбериха в документах, в финансах и т. п. в 90-х годах, экономический кризис в России.

И я сделала после этих размышлений такой вывод. Разве только моя вина в том, что мои родители в конце 90-х годов оказались на дне нищеты, в чем обвинила меня моя тетя? Обстоятельства создает человек сам. И в их состоянии была

и их вина. А не только моя.

И еще. Чтобы вырастить ребенка, который в старости обеспечит тебе достойную жизнь, надо не ломать его в детстве. Не внушать ему, что он ничтожен и уродлив. Также не стоит навязывать ему выбор профессии и спутника жизни (навязанная отцом профессия дала мне возможность не сдохнуть от голода, но она ломала мою психику и, так как я ее не любила – делала меня несчастной).

Только свободный человек может стать успешным. Добиться в жизни высот, и помочь потом старикам-родителям. Я не упрекаю родителей – мне жизнь уже во взрослом состоянии много раз давала шанс изменить ход событий, поменять профессию и т. д. Но я шансы эти не использовала. Мне каждый раз не хватало ума и сил, а также мешали давно впитавшиеся в каждую мою клеточку чувства: неуверенности в себе, неполноценности и обреченности.

Я ни в коем случае не виню родителей – уважаю принцип «не суди, да не судим будешь». Я их только жалею. Также жизнь покажет, что смогла сделать в этом отношении я сама. Но я очень старалась. В меру своих сил и ума, и понимания этой зависимости.

Глыбу вины я, конечно, распилила, но не уничтожила. Нищета, в которую в эмиграции впала наша некогда благополучная материально семья, угнетает меня и поныне.

* * *

Итак, по ЛВ, я проработала свои стрессы, которые доктор-психотерапевт считала причинами возникновения рака. Это страхи, чувство вины, переживания, что «тебя не любят», ощущение неполноценности. Но оставался еще один тяжелый стресс – это ОБИДЫ.

Я опять начала просеивать свою жизнь через сито, чтобы вылавливать камни и булыжники. Теперь внимание заострилось на обидах.

Обиды

Обид у каждого человека за всю жизнь накапливается немало. Даже у самых необидчивых. Диапазон – от «не так сказал или посмотрел» до «бросил(а) с детьми и ушел (ушла) к другой (к другому)».

Много обид накопилось за жизнь и у меня, но при «работе» над болезненным состоянием правой груди в 2001 году я выбрала только те, которые были свежи в памяти.

А были свежи в памяти, и еще «болели» те обиды, которые я восприняла как обиды во время работы на заводе в поселке «Новый» Владимирской области, в 1996–1999 годах.

Держала обиду:

– за обвинение в подготовке покушения на убийство Директора (подробнее в рассказе «Взрослые тоже играют в игры»);

– за невыполненное обещание улучшить бытовые условия в служебном жилье – я мучилась без воды, ванны, туалета;

– за возмещение мне командировочных расходов, когда меня, начальника отдела кадров, отправили искать потребителей продукции завода в Татарстан;

Это – первая группа обид, – сделала я классификацию в лечебных целях.

Ко второй группе обид я отнесла приказы по предприятию об объявлении мне выговоров с лишением премии:

- за пьянку рабочих на заводе в новогоднюю ночь;
- за поломку автобуса в пути, когда он вез рабочих на смену;

– за плохую воспитательную работу среди охранников предприятия, в результате чего ночью, с территории завода была выпущена фура с продукцией, без документов, уехавшая в неизвестном направлении.

С учетом того, что я была обычной канцелярской «крысой» – начальником отдела кадров, эти приказы очень меня обижали. Особенно мне было больно лишаться денег. Тем более что я абсолютно не была виновата в том, что мне инкриминировали. И у меня не было мужа, который тоже принесет домой зарплату, и можно перекроить семейный бюджет. Я сама себе и семья, и бюджет. И если мне не выдали то, что я заработала, значит, я недоела, недодала денег ребенку, не купила себе греющую сердце любой нормальной женщины «тряпку». А это – обидно очень.

И к третьей группе обид я отнесла сугубо личные обиды:

– когда моя дочь закончила училище по специальности, актуальной для этого предприятия, и я попросила Директора взять ее на работу, и чтобы она жила со мной в моей служебной квартире, он отказал;

– когда меня переселили в служебную квартиру с удобствами – ванная, горячая вода, туалет, я попросила у Директора разрешения поселить у меня моего папу. Папа был болен, не ходил, его надо было купать, а бытовых условий в до-

ме родителей не было. Директор отказал.

Моему читателю может показаться, что мой работодатель был плохим человеком. Нет. Он был очень хорошим человеком. Уже много лет я вспоминаю его только с хорошими чувствами, и считаю его одним из самых интересных и ярких людей, встретившихся мне на жизненном пути.

Я начала искать причины, корни всех этих обид. Чтобы стереть их из своего сердца.

И я нашла.

Человечество в целом, и подавляющее большинство людей, живущих на планете в настоящее время, еще являются людьми инстинктивными. Они живут и действуют, даже очень образованные и умные из них, на основе инстинктов. Это «срабатывает» на уровне подсознания. И поэтому свое поведение человек не оценивает.

Например, в собачьей стае, здоровые и сильные особи, инстинктивно могут загрызть пса-чужака, слабого и больного. Не потому, что собаки – чудовища. Просто так работает инстинкт выживания, стадный инстинкт и стремление к занятию места в собачьей иерархии – у людей это инстинкт стремления к власти (аналогичен стадному у животных).

Или другой пример. Хорошая и веселая дворовая собака может выскочить на улицу, облаять и даже покусать прохожего, если почувствует инстинктивно, что тот ее боится, или угрожает палкой. Недаром говорят, не показывай встречной собаке, что ты ее боишься. И тем более не маши руками и

не убегай. В этом случае включатся на полную катушку все инстинкты собаки, она догонит и покусает.

Также и в отношении меня. Прекрасный, умный, порядочный человек, мой работодатель инстинктивно чувствовал, что я чужая и слабая, что я всего боюсь – потерять работу и жилье, остаться без средств к существованию. Я не есть член стаи, я не являюсь представителем какого-нибудь сильного клана – сообщества людей. Я не могу за себя постоять. Меня никто не защитит. Я, скорее всего, не очень здорова в отношении нервной системы – меня легко расстроить до слез, напугать. И Директор неосознанно действовал в соответствии с инстинктами: «затоптать». Или как у котов – мышку немного придушить и помучить.

Только инстинкты – ничего личного.

Что уж обычный человек! Человечество в целом – и то мало чем отличается от своих предков, живших 30–40 тысяч лет назад в пещерах! Несмотря на небоскребы, смартфоны, компьютеры и автомобили. Этому есть три основных доказательства:

1. Человечество активно ведет войны;
2. В современном мире помощь слабым, немощным и чужакам – будь то люди – больные, старые, беженцы, или бедные страны, малочисленные народы – носит декларативный и только показательный, а не повсеместный и всеобъемлющий характер. Наоборот, если слабый – значит надо отнять, выгнать, загнать в угол и т. п. Под лозунгом «выживает силь-

нейший».

3. Человечество культивирует и обожествляет законы рынка (рыночной экономики), которые по существу являются «законом джунглей», даже в более суровом варианте, чем в животном мире.

Мое осознание этого помогло мне изжить обиды в моем сердце. Я поняла, что человечество, в том числе и я сама, и мой бывший работодатель-обидчик, проходим очередной этап эволюции, и пока не доросли до более высоких и гуманных взаимоотношений.

Глава 3. Черная тетрадь

Осень – сентябрь и октябрь – 2001 года. Я работаю над своими психологическими проблемами, корнями уходящими в прошлое. Они, по заверениям врача-психотерапевта ЛВ, были причиной возникновения рака. Это:

страхи,
обиды,
стрессы,
чувство вины,
недостаток любви,
заниженная самооценка, и другие.

Изжить их – означает спасти себя от рака. В этом я уже была убеждена. Шишка в груди не уменьшалась, но у меня хватало сил работать, учиться, заботиться о себе, проводить большую работу по самоорганизации, вести хозяйство. К тому же у меня не было признаков ухудшения состояния груди, по которым можно было бы заключить: рак прогрессирует. Я постоянно осматривала грудь строго по науке – руку вверх и назад, и перед зеркалом внимательно пальпировать. Также у меня не было и других признаков, про которые я прочитала в медицинской литературе – сморщивание груди, истечение из соска каких-либо жидкостей.

Однако, кроме психологической работы, я начала прово-

дила работу по лечению себя и другими методами. Так сказать, комплексно. Я не хотела болеть и, тем более, умирать от страшной болезни. И поэтому 8 ноября 2001 года я завела черную общую тетрадь, которая стала моим дневником лечения и сборником рецептов, советов, молитв и рекомендаций.

Черная тетрадь

На первой странице этой тетради я написала следующее:

«Программа попытки выжить.

Возможно, все мои попытки будут пустыми, если у меня точно рак. Если пришло время умереть, значит, это произойдет. И не помогут никакие методы. Попытки задержаться на Земле, если тебя уже призывают, и бесполезны, и даже опасны.

Но, в то же время – нельзя же просто сидеть и бездействовать. А вдруг это не рак? И даже если рак, но в самом начале развития, и у меня есть шанс приостановить процесс болезни?

Поэтому надо принимать все меры, – решила я, – какие только мне известны, чтобы помочь себе. Нужно не рыдать, и не бегать по врачам, а методично использовать знания, какие у меня есть, об излечении.

А вдруг поможет?

7 направлений лечения (самолечения):

1. Гомеопатические средства;
2. Витамины;
3. Компрессы;
4. Народные заговоры и настои трав;
5. Молитвы и помощь священников;
6. Позитивизация мышления (формула Куэ);

7. Поиск причин болезни, анализ жизни и процедуры ПРОЩЕНИЯ по ЛВ».

Я придерживалась этой программы еще более полугода с начала ведения Черной тетради. Например, вот что я делала:

- Натирала на терке свеклу, смешивала ее с медом 3:1, выкладывала на капустный лист и прикладывала к своему уплотнению на груди каждый день на 30 минут. Также можно прикладывать корень лопуха, но я его не нашла.

- Я пила Маммолептин и Мастодинон. Позднее курсами – Ременс.

- Для компрессов я использовала готовую мазь Окопника, но можно еще кашицу, сваренную из его корней, прикладывать к груди, как компресс (Окопник лекарственный (живокость, костолом) – семейства Бурачниковых).

- Я молилась: «Господи, видишь Ты мою болезнь. Ты знаешь, как я грешен и немощен. Помоги мне терпеть и благодарить Твою Благодать. Господи, сотвори, чтобы болезнь эта была в очищение многих моих грехов. Владыко Господи, я в руках твоих, помилуй меня по воле Твоей и, если мне полезно, исцели меня вскоре. Достойное по делам моим приемлю. Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем! Слава Богу за все!»

- Я пила витамины. Витамин Е – токоферола ацетат. 100–400 мг/сутки в течение 2-х месяцев. Потом 2 месяца перерыв, потом повторить. Длительное время – витамины А, В₁, В₆. Препараты йода. Микродозы йодида (0,25 % раствор йодида калия по 10 мл 4 раза в день) в течение 6–12 месяцев с перерывами на критические женские дни.

- Нашла старинный рецепт лечения опухолей: «четверть стакана хорошего прованского масла смешать с четвертью стакана грейпфрутового сока. Через 2 часа после ужина сделать клизму. На ночь выпить масло с соком. Лечь на правый бок, на грелку. Утром повторить клизму». Но применить его не решилась. Жила в чужом доме.

- Отправляла по формуле Эмиля Куэ (врач, 19 век), приказы своему подсознанию: «С каждым днем мне становится все лучше и лучше». Эту формулу доктор Куэ рекомендовал произносить ежедневно по 21 разу.

- Выучила и читала псалмы №№ 26, 50, 90. Это самые «сильные» для излечения, а также от злых людей и нечистой силы, молитвы. Ведь сказано в Святом писании: в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь, исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце. Главная причина болезней лежит в духовной области. Болезни вызываются: злостью, сидящей внутри нас, а также злобой и завистью, исходящей извне (порча, сглаз). Снять это не может никто, а только Святой Дух Божий. Зло духовной природы снять может только Дух же, Святой Дух Божий. А он приходит только к тому, кто верует в Бога.

- Нашла, купила и заваривала противоопухолевые травы: чистотел, болиголов, бадан, Марьин корень, алоэ, чага (пила много месяцев). Еще рекомендуется: чертополох шерстистый, зрелые плоды калины, чистец болотный, календула,

лопух.

- Прощала всех обидчиков и просила прощения у всех людей, которых обидела сама. Я писала в тетради по 6 раз (столько надо, чтобы мысль въелась в подкорку) для каждого человека фразы: Прости меня, (имя), за страшное беспокойство и гнев... Прощаю тебе, (имя), нанесение мне огромной боли и обиды!... Прощаю сама себе плохое состояние, неправильные мысли... Прости меня, (имя), за мою непредусмотрительность, непрактичность и слабость.... Прощаю себя за слабость, слезы, страх, ужас, ненависть.

В моей черной тетради было много разной информации, которую я выписывала из книг. Например:

«Любая Болезнь – это результат неверного отношения к жизненной ситуации. «Неверного» – с точки зрения поиска выхода из нее.

Изо всех сил стремясь заслужить любовь, нуждаясь в признании и поощрении (а это тоже любовь), человек не понимает, что в действительности он хочет убежать от страха, не сознавая того, что у страха ноги быстрее.

Не достигнув цели, этот хороший человек начинает винить себя, ненавидеть свое бессилие, даже проклипать себя, если что-то не получается.

Сила брошена на ветер. Постоянная усталость вынуждает добросовестного человека, стиснув зубы и ненавидя себя, карабкаться вверх по лестнице за мечтой.

Все видят в этом человеке старательного,

работающего, сердечного и порядочного человека, ... а он выслуживает любовь, не понимая, что его стена страха мешает как получать, так и отдавать любовь.

Такого человека рак губит просто. Столь же быстро этот человек может излечиться, если простит себе страх, что его не любят.

Если больной раком с утра до вечера прощает своим стрессам, то за несколько месяцев он выздоровеет.

Болезнь нельзя вылечить между делом. Каждый человек должен сам определить свою шкалу ценностей и получить соответствующий этой шкале результат.

Состояние человеческого тела, его здоровье, являются зеркальным отражением жизненной философии человека».

Я перечитывала эти выдержки и размышляла, размышляла. Я продолжала выполнять все рекомендации доктора ЛВ. И вдумчиво читать ее книгу, выписывая и прорабатывая тексты:

«Если патология в одной груди, то проблема может быть связана с взаимоотношениями полов:

1. Конфликты между полами;
2. Отрицание любви;
3. Дух упрямства: обойдусь и без мужа. Мол, я сильная.
4. Отрицание стресса нехватки любви, приводящее к нарастанию злобы и обиды;
5. Мужчины меня не любят, и непонятно, что они находят в других женщинах;

6. Зависть к той, которую любят».

* * *

В 2001 году я не знала о болезни моей подруги Аноры. Возможно, в этом году она еще была здорова. Но позднее, когда в 2004 году я узнала о том, что подруга заболела РМЖ, я поняла, что причины рака по ЛВ – недостаток любви, измены мужчин, обиды и тоска, зависть к счастливым соперницам, скорее всего, применимы были и к Аноре. Это осознание и воспоминание мною всей жизни Аноры подтвердили, что мои размышления в 2001 году были правильными. Вот описание жизни этой женщины:

Анора

Отец Аноры, гармский таджик, маленького роста, щупленький, но очень красивый на лицо, и со стальным характером человек, был кадровым военным. Он служил в свое время в Польше.

И оттуда он привез жену – польскую девушку. Очень красивую, крупную, белокожую и белокурую.

И вот от такого союза – почти «льда и пламени» – родилась Анора.

Анора любила петь.

Она тщательно разучивала песни восточных исполнителей, которые пели на фарси, например, Далера Назарова («Чоки-чоки борони»), Муборакшо («Туро намепарастам»), а также песни Ахмада Зоира, Гугуш, Куруша, Мукаддас Набиевой, и других.

Мне не нравилось, как пела моя подруга – нарочито поставленным оперным голосом. Пафос уездной оперной певицы, до неузнаваемости меняющий натуральный природный голос Аноры, совершенно не вязался с этими песнями. Это очень красивые восточные песни – в этом может каждый убедиться, прослушав их на Ютубе!

Но я очень уважала трудолюбие и терпение Аноры, с которыми она этот репертуар готовила. И еще я восхищалась, что Анора так свободно, не стесняясь, выступала в любой

компании, и умела красиво себя вести.

Не знаю – не спрашивала, нравилась ли манера Аноры петь остальным людям. Но я видела, что все слушатели, и я в том числе, прощали Аноре погрешности пения. За ее обаяние. А мужчины, так те готовы были ее слушать часами. Лишь бы иметь возможность на нее смотреть.

Вся соль в том, что Анора обладала необыкновенной внешней красотой.

Когда мы с Анорой работали вместе и дружили, ей было около 40 лет (она на 12 лет старше меня). В этом своем возрасте она уже была просто очень красивой женщиной.

Но я помнила ее, когда я была студенткой. Она преподавала на нашем курсе. До сих пор все мои однокурсницы вспоминают, насколько это была красивая женщина. Тогда она была не просто красивой, как в 40 лет. Тогда она была невысказанно красивой.

Мы и мои сокурсницы вспоминаем и поныне, как мы ничего не делали на занятиях, которые проводила Анора – не слушали, не писали, не отвечали, не болтали и не шумели. Мы как замороженные смотрели на Анору.

Я по причине малолетства не могла видеть Анору в ее 17, 20, 25 лет. Но люди говорили, что она была красива тогда как сказочная принцесса.

Так как у Аноры ее родители были разных «расцветок» (белая/черный), и разных кровей (Европа/Азия), то их дочь получилась – не поймешь какой национальности.

Анна была среднего роста, темноволосая, но не брюнетка. Волосам хной она придавала глубокий рыжий оттенок – ей очень шло. Кожа у нее не была светлой, но не была и темной. Цвет кожи был ровный, теплый, красивый. Я такой цвет кожи называю «персик». Очень спелый, бархатистый персик.

Маленькая ладонь, маленькая ступня, полные и красивые, безо всяких инъекций силикона, губы. Крошечный правильный носик, чуть приподнятые скулы и арийский овал лица. Все эти характеристики делали Анору царевной из восточной сказки.

Однако главным компонентом несравненной красоты Аноры были ее глаза. Эти глаза много лет не переставал обсуждать весь наш город.

Таких глаз я больше ни у кого не видела. Ее дети имеют похожие глаза. Но все же – не такие, как у их матери.

Что-то примерно похожее по стилю можно увидеть на древнеперсидских фресках.

Глаза Аноры были намного больше, чем у обычных людей. Внешние уголки глаз были сильно приподняты. А глазные яблоки, которые были очень большими, к тому же имели необычный цвет. Они были настолько ослепительно белые, что отдавали синевой. Как нетронутый снег на Севере. Эта белизна была слишком необычной. У большинства людей оттенок глазных яблок больше кремовый. (Когда Аноре перевалило за сорок, эта белизна стала исчезать и приближаться к обычному цвету, как у всех людей).

Сами глаза – радужные оболочки, и ресницы были настолько глубоко черные, что отдавали синевой. Но они не были холодными. Они были бархатными, теплыми.

К волшебной красивой внешности Аноры, фоном и усилителем были необычайно хороший вкус, исключительно красивая, тщательно выбранная и продуманная одежда. И необыкновенной красоты украшения. Именно у Аноры я научилась перешивать готовые платья и костюмы, придавая им эксклюзивный вид – за счет аксессуаров, в том числе, а также совершенного сочетания одежды и украшений. Это женщина, у которой я впервые увидела коллекцию бус, серег и браслетов. И не только золота и серебра, которые были у большинства восточных женщин, но и хорошей бижутерии, в том числе и собранной вручную, самостоятельно. Именно у Аноры я переняла манеру комбинировать бусины, камни, самостоятельно собирать украшения, бусы, делать браслеты, ожерелья, украшать фурнитурой пояса, сумочки, обувь и прическу. А ведь это мое воспоминание событий 30-летней давности! Тогда мало кто занимался подобным творчеством.

Она могла придумать абсолютно уникальный фасон платья или костюма, и выдрессировать портниху так, чтобы она достойно сшила его. Так, однажды Анора пришла на какую-то встречу в настолько необычном костюме, что все замерли. Костюм был из тонкого японского трикотина темно-серого цвета. Юбка была прямая ниже колен. А жакет, длиной ниже бедер, был с необычной застежкой – два ряда

пуговиц, как в военной форме царской России – мундир. Ну и это еще не все! У жакета были высокие подплечники, а на них красовались необычные погоны-эполеты с серебряной бахромой, как у офицеров русской армии! И еще было несколько рядов серебряных шнуров, тоже из темы военной формы, которые прикреплялись к передней части жакета. Все это было так изящно выполнено, и настолько царственно смотрелось, что я про себя подумала: обязательно когда-нибудь такой костюм сошью себе.

Прошло 30 лет, а я так и не сшила себе такую же вещь.

Недавно, месяца два назад, я видела по ТВ показ мод мирового уровня. И увидела платье-костюм, похожий на тот костюм Аноры. А ведь Анора сумела сшить такое же великолепие в далекие советские времена, когда даже журналов мод в свободном доступе не было!

У Аноры всегда все было необычно и великолепно. Никогда не было, чтобы она была некрасиво, небрежно или безвкусно одета, причесана. Она метко и по делу в этом отношении критиковала меня: ну и к чему ты эти бусы надела? Критикуя меня, она всегда давала дельные советы.

Одним словом, шикарная была женщина, наша Анора.

Когда я в 1992 году уехала в Россию, Анора осталась жить в нашем родном городе. Больше мы с ней никогда не виделись.

В 2004 году я случайно узнала, что Аноры уже несколько лет нет в живых. Умерла она примерно в возрасте 50–54 года.

Точнее никто не знал. Сказали только, что болела – РМЖ.

Я захотела узнать подробности и стала искать в Интернете сына и дочь Аноры. Нашла только сына. Но и он не знал подробностей. Он написал мне только следующее.

«Мама в последнее время, написал мне ее сын, – часто ездила в Китай, – дела, торговля». Она всегда была активным и предприимчивым человеком. Я запомнила ее энергичной, деловой, с очень крепким здоровьем, веселой, жизнерадостной и оптимистичной.

«Когда я окончил школу, – продолжал сын моей подруги, – мать отвезла меня учиться в университете в Китай. Чтобы я в совершенстве выучил китайский язык. И она обещала приезжать ко мне очень часто. Однако время шло, а она не приезжала. Целых полгода. Но я получил письмо от отца, в котором он писал, что мама приболела. А через пару месяцев после этого письма пришло второе письмо, в котором сообщалось, что мама умерла. Еще через некоторое время, в третьем письме, отец сообщил, что женился. И позднее, примерно через 9 месяцев, пришло сообщение от папы, что у меня родился брат. Вот и все, что я знаю».

Тот, кто так быстро, после смерти жены, женился и родил ребенка – это третий супруг Аноры.

Я понимаю теперь, что болезнь Аноры – РМЖ – следствие недостатка любви в ее жизни. Женская судьба этой необыкновенно красивой женщины была очень и очень непростой. Я знаю некоторые подробности жизни Аноры с ее слов. Мы

в течение нашей дружбы очень доверяли друг другу и успели рассказать каждая каждой по «Тихому Дону». Вот они, эти подробности.

Очень-очень молоденькой – в возрасте 16–17 лет, Анору выдали замуж. За очень уважаемого человека, архитектора, на много лет старше нее. Жених был очень состоятельный и состоявшийся, красивый, высокий, седовласый. У него был один внешний изъян – он немного прихрамывал. Почему – никто это не обсуждал, и Анору по этому поводу не просветил.

Справили свадьбу. Наступила ночь. Юная Анора ждала супруга в спальне, и очень волновалась.

И вот он пришел. Анора сидела в постели, в белой шелковой ночной сорочке, натянув на себя одеяло выше подбородка. Были видны только ее испуганные глаза.

Новобрачный начал раздеваться. Чтобы лечь спать, рядом с молодой женой. И когда он снял брюки, Анора увидела причину его хромоты. У него была не нога, а палка с ботинком на конце вместо ступни. То ли это была усохшая от болезни нога, то ли протез в виде тонкой палки – Анора не разобрала.

Она мне рассказывала, какой ужас и испуг овладели в тот момент ее – еще детским умом! Ведь по возрасту, она была еще почти ребенком. И Анора вскочила с постели, и выпрыгнула в окно. Это был одноэтажный частный дом, окна которого выходили в сад.

И вот так, в ночной сорочке, босиком, испуганная невеста-ребенок, бежала по ночному городу домой, к маме и папе.

Вскоре архитектор женился вновь. На молоденькой и красивой девушке.

Впоследствии, всю жизнь, он был прекрасным мужем и отцом – внимательным, заботливым, ласковым, преданным.

Всю жизнь Анора со стороны наблюдала за этой семьей. И осознание того, что на месте этой счастливой женщины – жены архитектора – должна была быть она, Анора, причиняло ей невероятное страдание. Это страдание усугублялось абсолютно несложившимся женским счастьем Аноры.

Второй раз Анора вышла замуж в 20 лет по неистовой любви и всеобъемлющей страсти. Избранник не был красавцем. Но он был высокий, интересный, представительный, видный парень, и богатый жених. Про таких сейчас говорят «брутальный самец».

Анора мне рассказывала, насколько сильно, до безумия, любила своего супруга, и насколько безмерно была с ним счастлива.

Когда у молодых супругов родилась дочь, муж Аноры стал чаще оставлять жену с младенцем дома, и отлучаться по своим делам. Но это не омрачало счастья Аноры. На Востоке допускается, что мужчина более свободное существо, чем женщина, и там не принято контролировать супруга тотально.

И почти все восточные мужчины совершенно не обременены

няли себя сохранением верности своим супругам. Даже в советские времена на Востоке существовало негласное многоженство. И факт наличия «параллельных» жен, если мужчина соблюдал меру и приличия, не обделял заботой и вниманием «основную» супругу, заботился обо всех своих детях, таджикских женщин не сильно огорчал. Большинство более или менее успешных – социально и материально – мужчин имели, если не дополнительных жен, то много постоянных любовниц, неисчислимо количество мимолетных встреч, и никогда не выполняли домашнюю работу – это было нормой. Мужчина обеспечивал семью, иногда ночевал дома – для многих и многих этого было вполне достаточно.

И Анора продолжала быть счастливой женой и матерью, несмотря на хроническое отсутствие супруга дома. Но когда дочке исполнилось два года, в дом Аноры пришла беда.

Супруг Аноры, судя по последствиям, повел себя слишком некорректно с юной девушкой, в особых отношениях и в пикантной ситуации. А девушка оказалась несовершеннолетней. Ее высокопоставленные родители уже имели предварительный договор на ее замужество – очень и очень выгодную партию. И они добились самого сурового приговора суда по соответствующей страшной статье. И мужа Аноры посадили в тюрьму.

Сказочно красивая Анора с младенцем на руках приняла решение о разводе.

Много лет Анора была одинока. Два ее скандально извест-

ных замужества обусловили окончательный крах надежд на счастье и любовь.

Когда Аноре было уже 35 лет, ее засватал очень простенький и невзрачный приезжий паренек-узбек. Он был маленького росточка, намного моложе ее, и очень бедный. Кроме того, что было на нем надето, имущества у него не было. Приехал он из узбекского села – убежал от своей хваткой узбекской супруги. Та была тираншей – деловая, властная, успешно занималась торговлей. А мужа, который был намного моложе нее, и весил вдвое меньше, чем она, использовала в хозяйстве исключительно как бесплатную рабочую силу, и даже не кормила досыта.

Конечно, третий брачный союз Аноры не был заключен по огромной любви. Просто решили сойтись два одиночества. Проживание вне брака на Востоке порицается. Все стремятся создать пусть не очень прочный, но семейный союз – для социального статуса.

Супруги имели хорошие дружеские отношения. У них вскоре родился сын. Но в дальнейшем они жили в разных комнатах.

Всю свою жизнь Анора тяжело переживала не только два неудачных замужества молодости, но и формальный характер замужества третьего. У нее не было того, что женщины при удачном замужестве имеют точно – любви, близости с мужем, и его материальной поддержки.

Ясно, что и третий супруг Аноры не был счастлив. Он

был очень и очень неглупым человеком – все понимал и осознавал. А как иначе, кроме как чувством хронической несчастьливости, объяснить, что он женился через неделю после смерти жены? Ведь этот человек всегда был потрясающе добрым и глубоко порядочным!

Я очень надеюсь, что в третьем своем браке третий супруг Аноры, наконец – то обрел счастье. Каждый человек имеет на это право.

* * *

В 2001 году я не только анализировала свою жизнь, но и заново переосмыслила жизни своих подруг – Зайтуны, Ситоры и Аноры, какими я их помнила с их же со слов. И пришла к выводу, что стрессы, которые спровоцировали болезнь у них, присутствовали и в моей жизни. Сегодня, в 2013, я думаю – почему мои подруги от этих стрессов заболели и умерли, а я – нет? И вот что я надумала.

Судьба наносила этим женщинам точечные удары. И они не выдержали. А моя судьба похожие по тематике удары наносила не точечно, а вразброс. И это, видимо, менее губительно. К тому же мой аналогичный жизненный опыт – боль измен, пренебрежение близких мужчин, недостаток любви – уравновесился титанически стрессовым опытом выживания в эмиграции. Как нести одно ведро тяжелее, чем два, тем более на коромысле. Нагрузка перераспределяется, и ношу

нести гораздо легче! Пусть даже не совсем легко – но не губительно, по крайней мере.

По-другому объяснить свое выживание я не могу.

* * *

В 2001 году, и ранее, и позже, в годы, о которых идет речь в этой повести, в «букете» моих бед и стрессов, был особый «цветок». Он был страшен по тяжести – черный, колючий, каменный. Он многократно утяжелял общий стрессовый фон моей жизни, и совершенно не поддавался психотерапевтической проработке. Этой бедой была судьба моего папы.

Папа

Стресс, который я испытывала в связи с судьбой отца, не является чисто женским, способствующим РМЖ. Ведь по ЛВ – с болезнью молочных желез связаны в первую очередь женские стрессы – унижение женского достоинства, удары по женскому самолюбию и естеству.

Но судьба отца и сегодня лежит на моих плечах страшной, огромной тяжестью.

И я думаю, что эта тяжесть всегда усиливала мои болезни, в том числе и связанные с грудью.

Я включаю эту информацию в повесть, чтобы проанализировать ее как важнейшую причину моего нездоровья, в том числе и проблем с грудью, и моих несчастий. И не только в годы, которые описываются в этой повести. Но и многие годы спустя, вплоть до сегодняшнего дня.

Мой анализ этой страницы жизни не ставит целью оправдать свое бессилие и неспособность помочь отцу, или найти поддержку и сочувствие у кого бы то ни было. Если я и чувствую себя виновной – так только напрямую перед папой. И больше ни перед кем на свете.

Папа продолжает почти каждую ночь сниться мне. Уже нет тех страхов и переживаний, которые описаны мною в рассказе «Дунь и плюнь, или куда ушел бес» – те проблемы уже решены. Но папа всегда рядом, в моих снах, в другом

измерении, в ином мире.

Последние месяцы папа в моих снах стал красивым и 30-летним. Он всегда красиво одет – в строгий дорогой темно-синий костюм. На нем изысканная дорогая обувь.

Однажды во сне – это было 2 месяца назад, папа пригласил меня к себе в гости. Там, в том мире, где он теперь, он вновь женился. Его жена – молодая красивая грузинка. И рядом с ними три маленьких девочки-грузиночки. Папа взял в жены женщину с ее детьми.

Особенно поразил меня в том сне дом, в котором теперь живет папа со своей новой семьей. Такой архитектуры нет в нашем слое даже в приблизительном виде. Только в Петергофе я видела анфилады комнат – бесконечный ряд помещений. И то, это слишком далеко от той архитектуры, которую я увидела во сне.

Дом отца имел вход как бы снизу вверх, а не с улицы, в какое-то круглое центральное помещение. А от него, как щупальца осьминога, в разные стороны расходились, как бы тоннелями, в десятках направлений – бесконечные анфилады комнат. Они не располагались строго по прямой, как в Петергофе. Нет, они извивались, имели множество ответвлений, были разного размера, с разной степенью изгибов стен. И все равно просматривались далеко-далеко вперед. Сколько ни идешь, и в какую бы сторону, перед взором открывалось все больше и больше новых необычных комнат, наполненных всевозможными предметами интерьера, мебе-

лью, картинами, цветами, коврами.

В одном из помещений был накрыт праздничный стол, возле которого суежилась жена папы. Мне хотелось рассмотреть блюда, которые стояли на столе, но я не смогла, очень уж много необычного было по сторонам. Я прошла несколько помещений и остановилась в одном, похожем на земной рабочий кабинет. В шкафу стояли книги – Библиотека мировой литературы. 200 томов в особых глянцевых обложках с эмблемой – пегас и земной шар. Я очень обрадовалась. Наша идентичная библиотека в земной жизни, в нашем слое, погибла – была утоплена в грязной воде, в 1992 году в Самаре, а потом и сожжена мною в печке. А тут, в новом доме отца, она оказалась восстановленной – я очень обрадовалась, что эта серия книг чудесным образом спасена.

Я проснулась с ощущением счастья. И у меня также возникла мысль, что отец в своем посмертии определился с образом жизни (тамошней), и больше не придет ко мне во сне. Значит, никакой проблемы больше нет.

Но папа продолжал приходить. Значит, я все же еще что-то должна для него сделать.

И тогда я сконцентрировала всю свою волю – через много безуспешных попыток, я все же сумела во сне заговорить с отцом. Диалог был таким:

Я: Если ты снишься, и постоянно спрашиваешь у меня про какие-то документы, значит, не сделано какое-то дело, которое я должна сделать?

Он: Да.

Я: Мне кажется, что тебе не нравится место, где ты лежишь в земле. Ты хочешь быть перезахороненным в другом месте? Ничего другого, способного быть причиной привязки давно умершего человека к земной жизни, я не могу предположить.

Он: Да.

Я: Я намерена перезахоронить тебя на мусульманском кладбище, тихом и спокойном, в окрестностях города Лобня Московской области. Я туда ездила, посмотрела место и получила одобрение муллы. Тебе нравится это кладбище, и ты согласен поменять свое место захоронения?

Он: Да.

Я: Процедура перезахоронения очень сложна, и быстро подготовить все это у меня не получится. В лучшем случае, на это уйдет 3–4 года. Ты подождешь?

Он: Да.

Я: Я знаю, что категория времени, и временное измерение, существуют только в нашем физическом мире. В других мирах господствует безвременье. И я думаю, что тебе не так важно – 10 лет или 20 лет прошло. И поэтому ожидание для тебя безболезненно?

Он: Я буду ждать столько, сколько нужно, абсолютно безболезненно.

Но осенью 2001 года у меня не было такого спокойствия, как сейчас. В тот период у меня горела душа – синим пламенем, от горя и чувства вины. Я считала, что я трижды за жизнь не помогла своему отцу.

Папа болел болезнью Паркинсона. Это необычная болезнь, при которой мозг человека становится похожим на головку сыра с большими дырками. Но в отличие от сыра, дырки не являются статичными сразу, а только на последней стадии болезни. Мозг как бы кипит, пузырится, и то там, то тут образуются пустые пространства. Продолжительность жизни от начала проявления первых заметных признаков болезни и до гибели – 15–25 лет. Папа болел примерно 25 лет.

Однако еще одним очень страшным фактом этой болезни является наличие скрытого, незаметного, инкубационного периода. Он длится 15–20 лет. В этот период мозг пузырится не крупными, а микроскопическими пузырьками. Внешне, в поведении человека это не видно, но человек все равно страдает и слышит странное шевеление внутри черепа.

С учетом инкубационного периода, отец был фактически болен уже с 30 лет, а всего почти – 45 лет!

Сначала я была маленькой и ничего не замечала. Но став

старше, я видела некоторые необычные факты в поведении отца, запомнила их, и только спустя годы и годы я диагностировала их как проявления болезни. Но тогда, я понятия не имела, что это болезнь!

Например, у отца были совершенно непредсказуемые, внезапные и безосновательные вспышки необузданной ярости. Притом, что, по сути и в основном, он был добрейшим человеком. Сейчас, когда я перечитала горы литературы по психиатрии, я знаю, что такие вспышки ярости всегда сигнализируют о разрушении психики, или мозга, или о серьезных проблемах с нервной системой.

Но тогда я списывала такие вспышки на проявившиеся с возрастом изъяны характера, плохой характер, деспотичные замашки, характерные для многих татарских мужчин.

С возрастом у отца стали появляться еще некоторые странности. Я видела, что он отмахивается от кого-то. Часто прячется в своей комнате и закрывается на ключ. Порой, ляжет спать, выключит свет, а вдруг вскакивает и бежит в другую комнату. И долго не возвращается в постель.

У меня, когда я уже была взрослой, было много друзей – очень хороших врачей. Я никогда ни с кем не поделилась по поводу фактов необычного поведения папы? Почему? Я, видимо, опасалась осуждения и людской молвы. Это было слишком важно для социума того времени и той местности, где я тогда жила. На подсознательном уровне я и думать не смела о возможной болезни отца, не то, чтобы посметь от-

крыто обратиться с его проблемами к врачам из Кокташа (так назывался поселок, в котором располагалась республиканская психиатрическая больница).

Это – первый раз, когда я не помогла своему отцу.

Первые видимые признаки болезни я тоже не признала болезнью. Позже, после изучения литературы по болезни Паркинсона, я удивлялась этой болезни и ее проявлениям. Насколько все точно было описано. И как все это было страшно.

Первым видимым признаком этой изощренной болезни является... застывание лица. С лица исчезают эмоции и мимика. Оно приобретает вид маски.

Вторым признаком является... появление особой шаркающей походки и неестественно опущенных плеч. Только потом появляется тремор головы, рук и ног.

Эти экзотические признаки начинают постепенно усиливаться нарастающим огромными шагами равнодушием к окружающему миру, безразличием ко всему происходящему вокруг. Больной может сутками тихо и безразлично сидеть в углу, и на все вопросы, задаваемые ему, неуклюже пожимать плечами.

Такое болезненное поведение отца совпало со страшным периодом смены исторических эпох – перестройкой, развалом страны, гражданской войной, экономическим кризисом и вынужденной эмиграцией.

В идеале, как мне потом стало казаться, отца нельзя было вывозить в Россию. Его надо было оставить в родном городе,

и даже положить в больницу там. Его болезнь, возможно, не прогрессировала бы настолько быстро, и не выглядела бы так ужасно, как это было в России.

Другая страна, другой климат, чужой дом, необычные условия жизни. Все это привело и отца, и окружающих его людей, в большое смятение. И это – второй раз, когда я не помогла своему отцу. Я не смогла настолько хорошо устроиться в России, чтобы купить хороший дом с удобствами, и нанять сиделок, обратиться к хорошим врачам. Конечно, болезнь Паркинсона неизлечима. Известный в мире боксер Мухаммед Али, на свое лечение от этой болезни потратил несколько миллионов долларов, и все равно не вылечился. Но я даже не смогла поселить папу в служебной квартире с удобствами, чтобы он, хотя бы, не был все время в грязных штанах. А также я не смогла предотвратить неотвратимую жизненную необходимость поселить отца в особой, страшной больнице. Навсегда, до смерти.

Когда было принято решение о пожизненной госпитализации отца в психоневрологической клинике для безнадежных, обездоленных, одиноких и никому не нужных людей, или которым не смогли создать элементарные бытовые условия и минимальный уход их родственники (это про меня), я кожей почувствовала шипение второй очереди.

Не в оправдание – но все же скажу. Чтобы понять и не осуждать это решение о госпитализации, надо было хоть раз увидеть такую картину.

Болезнь отца прогрессировала семимильными шагами. В связи с перманентным образованием новых «сырных» дырок, его состояние ухудшалось. Например, несколько дней он мог лежать, потому что мозг перестал руководить мышцами всего тела. А потом, вдруг, после трудно представляемых перетеканий мозгового вещества из одной области черепа в другую, папа резко вскакивал с постели и бежал. Он мог бежать даже долго, через весь поселок. Но потом мозг опять отключал управление мышцами, и папа падал. С высоты своего роста и со всем ускорением тела весом под 100 кг. Он ударялся, разбивался в кровь, лежал в грязи, а то и в воде – если добегал до пруда. Вокруг собирались люди. Но никто не мог помочь ему встать. Папа делал неосознанные бессистемные резкие движения руками и ногами, наотмашь мог ударить, бился о землю, еще более вымазываясь в грязи, смешанной с кровью.

А лица людей – жителей поселка – наблюдавших эту картину, напоминали мне своим выражением описание в книгах, когда в 19 веке люди смотрели на горбунов, уродцев и сросшихся близнецов – в бродячем цирке.

Поднять папу, принести домой, вымыть – это было невыполнимым трудом.

А банный день в поселке один раз в неделю. Ванны и горячей воды в доме нет.

И это – только один эпизод кошмара.

И папа был госпитализирован. Было гарантировано, что

куда-то бежать и разбиваться папе не дадут – помещения глухо закрыты и окна зарешечены. В этой больнице были специальные ванны, где напором воды можно было отлично мыть неподвижных больных. Дважды в день мужчины-санитары на тележках возили туда лежачих больных и мыли. По договору, этой больнице перечислялась пожизненно вся пенсия отца. Для обеспечения большего внимания со стороны врачей и нянечек (чтобы, к примеру, белье сменили по необходимости, а не по графику), знающими людьми рекомендовано было доплачивать. Но эти доплаты делала моя сестра – у меня на это денег не хватало.

Болезнь Паркинсона – это не психическая болезнь. Клиника проявлений, похожая на проявления психической болезни, обусловлена исключительно разрушением органической материи мозга, но не разрушением психики.

Тем хуже для папы. Просто «овощам», по тамошней терминологии, было легче. А у папы были мгновения просветления. В эти минуты, я уверена, он глубоко страдал. Неволя (больница), одиночество и обреченность. Это – ужасно.

И это – третий раз, когда я не помогла своему отцу. У меня не было сил, чтобы быть рядом с ним и облегчить его участь. Визиты к отцу заканчивались для меня истериками и нервными срывами. Передо мной, как уже бывало неоднократно, маячила возможность попасть в аналогичную больницу самой.

В те разы, что я приходила к папе, я приходила в ужас

от всего: страшный запах в помещениях, несчастные люди – неподвижные и с застывшими лицами. Постоянно меняющиеся соседи в палате отца – мне сказала нянечка, что ежедневно тут «умирают пачками, и пачками постоянно прибывают новенькие». Конвейер умирающих людей.

А однажды я придумала, как облегчить папе тоскливые дни и защитить себя от страшных впечатлений во время визитов в эту больницу. Я по случаю и очень недорого (доступно для меня) купила инвалидную коляску. Радостно принесла ее в больницу. Санитары помогли папу усадить и привязать. И я с ним поехала в парк. Вот он, выход из положения, – размечталась я. Теперь я смогу вот так гулять с папой, и не видеть страшной картины внутри больничного помещения.

Когда я уже отъехала на почтительное расстояние, в парк, вдруг колесо треснуло и отвалилось.

Я не помню, как я больного, весом под сто кг, дотолкала до больницы, на коляске с одним колесом. Было важно, чтобы папа не упал на землю и не разбился. И еще я несла сломанное колесо.

В больнице меня успокоили и заверили, что отдадут коляску в ремонт. Но больше я не нашла этой коляски. У персонала больницы и так полно забот, им явно и не хотелось лишних проблем, связанных с вывозом больных на прогулки.

В этот день я бежала из больницы к себе на квартиру, понимая, что мне обеспечены слезы и расстройство, даже боль-

ше обычного. Я влетела в квартиру, забилась в дальний угол комнаты, и долго сидела, даже не плача – просто я стонала вслух, и даже подвывала. Ситуация, которую я пережила в больнице, демонстрировала мне еще раз, насколько я слабый, никчемный, невезучий и непутевый человек.

К тому же я надорвалась физически. Уже вечером стало ясно, что у меня выпали геморроидальные узлы, лопнули и стали кровоточить. Несколько недель я лечила эти кровотечения.

В народе есть выражение «кишка тонка». Так говорят про слабых – телом и духом – людей. Это как раз про меня. И не только в переносном, но и в прямом смысле – у меня тонка кишка.

И опять черная тетрадь

Запись в моей тетради от 23 ноября 2013 года: Грудь не болит, но шишка не уменьшается. Самочувствие нормальное. Жизненных перспектив никаких не просматриваю, но почему-то не паникую и даже не унываю. Тетрадку черную веду и лечусь усиленно. По все направлениям. Комплексно.

Посоветовали мне люди знающие рецепты травяные. Я тоже записала их в черную тетрадь. Как я записывала все, что слышала и вычитывала. Затем использовала.

Рецепт 1.

1 ч.л. тысячелистника

1 ч.л. полевого хвоща

1 ч.л. плодов можжевельника

1 ст. л. кукурузных рылец

1 столовую ложку этого сбора залить стаканом кипятка и настоять 30 минут. Принимать по трети стакана 3 раза в день после еды. И так три месяца.

Рецепт 2.

Взять внутренние перегородки грецких орехов, залить их водкой – совсем небольшим количеством. Лучше спиртом. 5 дней настаивать в темном месте. Затем принимать по 15–20 капель в четверти стакана воды. Пить три раза в день за 30 минут до еды. Курс 2 месяца.

Оба рецепта можно применять одновременно.

Много рекомендовали заговоров, разных:

«Очеркни мизинцем правой руки опухоль на груди и говори:

С сего дня и до святой субботы
Рак – не рыба, опухоль – не мясо.
Приду я на пустую ниву,
Где не сеяно, не жато;
Хозяевами не звано,
Где narosло, что не прошено,
А телом ношено,
На грудь наложено.

Несеяная нива породила пшеницу лопушную, колосную. Как будет та пшеница сохнуть, так будет отпадать от нарожденной и окрещенной рабы Божьей (имя). Ниве той засыхать, а опухоли на груди не бывать. Аминь»

Все знающие люди советовали для излечения молитвы – в большем количестве, чем лекарства и заговоры.

«Не попусти на меня, Владыко Господи, искушения или скорби или болезнь свыше силы моей. Или даруй мне крепость перенести их с благодарностью».

«Больное тело – больная душа. Начните лечение с души.

Молитва – это дыхание души. Обратитесь к вере и узнаете.

Бог для того и дает людям болезни, чтобы они начинали искать смысл жизни и находили его.

Смысл жизни человека в этом грешном мире состоит в том, чтобы с Верой в Сына Божия Иисуса Христа, Искупителя нашего от рабства грехам, и соблюдением Его Святых Заповедей избавиться от груза грехов, стяжать в себе, приумножить Святой Дух Божий, чем и стать достойным Вечной Жизни с Богом и Святыми его.

И чем больше скорбей человек перенесет со смирением и даже благодарностью Богу за вразумление, тем больше грехов простит ему Бог. Лютые скорби даются для очищения души человека, чтобы жизнь его стала менее суетной, чтобы он начал думать о том, что смерть не за горами и что будет с ним после нее».

В одной брошюре «Избавление от неизлечимых болезней», содержащей советы по излечению рака, был приведен перечень 16 действий, которые обязательно нужно совершить:

1. Обрести веру во всемогущего Бога, и надежду на его милосердие.
2. Искренне раскаяться во всех согрешениях, какие сможете вспомнить.
3. Неукоснительно соблюдать все посты и праздники.
4. Исполнять все 10 Заповедей Божьих.
5. Непрерывная Иисусова молитва.
6. Не делать людям того, чего не хотели бы себе.
7. Заказ в Церкви, а еще лучше в монастыре, поминание о здравии болящего человека на полгода, а лучше на год, а также – сорок обеден о здравии.
8. Отслужить молебны с водосвятием: святому,

че имя носите; Спасителю; Царице небесной; всем святым и целителям-бессеребряникам. Полученную воду пить, умываться, прикладывать к больному месту.

9. Подать щедрую милостыню нищим, на строительство Храма.

10. Творить больше тайного добра.

11. Простить всех, кто вас когда-либо обидел.

12. Попросить прощения у всех, кого когда-то обидели вы.

13. Дать высокий обет Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице.

14. Приготовиться к причастию.

15. Достоинно приобщиться Христовых Тела и Крови в Таинстве Евхаристии.

16. Пособороваться для прощения забытых вами грехов.

При подлинном раскаянии исцеление наступит непременно.

* * *

Я абсолютно убеждена, что Вера может помочь больному человеку выздороветь! И я знаю многих людей, которым молитва помогла! Люди выздоравливают, когда медицина от них отворачивается. И в благодарность за исцеление они порой дают ОБЕТЫ. Именно так и поступила Оля – покровительница кошек. У нее был РМЖ в неоперабельной стадии.

Она молилась и молилась. А после чудесного исцеления дала обет – заботиться оставшуюся жизнь о слабых беззащитных существах. Уже 19 лет она исполняет данный ею обет.

Новогодний кокос

Наступил декабрь 2001 года.

Я очень люблю зиму, и декабрь люблю особенно: 8 декабря – мой день рождения.

Я очень любила свой день рождения в детстве, в юности, люблю и сейчас. Мои ровесники даже делают вид, что забывают про свои дни рождения, стараются не вспоминать – расстраиваются, что летят годы.

Но это не про меня. Это не значит, что я не расстраиваюсь, что годы летят, или, что я не боюсь стареть. Боюсь. Но день рождения все равно люблю.

Где-то примерно в середине декабря мне вдруг показалось, что шишка в моей груди уменьшилась. Я уж ее осматривала-осматривала, прощупывала-прощупывала. Точно. Уменьшилась. И грудь стала значительно мягче.

31 декабря я купила себе в подарок кокос. Большой, коричневый и «волосатый». Я люблю время от времени пробовать какие-нибудь заморские фрукты – а никогда раньше кокос я не ела.

В новогоднюю ночь я даже забыла включить ТВ. Очень была занята: пыталась этот свой подарочек распилить, или разбить, или продырявить. Ничего не вышло. А так как я была в праздники совершенно одна – хозяева квартиры уехали, то и посоветоваться, как едят кокосы, мне было не с кем.

В первую неделю после новогодних праздников в городе сильно похолодало. Батареи в квартире еле теплились. В одну из ночей я вообще не могла спать – днем намерзлась, и никак не могла согреться. И кофты надела, и куртку, и все одеяла на себя натянула. Все равно холодно. Поверхность дивана была будто ледяная. И я дрожала до непопадания зуба на зуб.

Также я заметила, что замерзают мои комнатные растения. Особенно теплолюбивые, и кактусы. Я собрала горшки с цветками по все квартире – в кухню. Обогревала воздух – включала газовую плиту. Попеременно поднимала горшки на стол, повыше, к теплему воздуху.

Утром стало ясно, что несколько цветков все же погибли. Чуть позже, днем, я поняла, что заболела сама.

Ципролетная пневмония

Я с детства частенько болела простудными заболеваниями: ангина, грипп, бронхит, ОРЗ, пневмония (три раза – 1979, 2002 и 2004). Поэтому я умею сама, без обследования, анализов и врачей, по своему ощущению, состоянию, самочувствию и клинике проявлений болезни, распознавать, какая именно болезнь у меня в настоящий момент.

Не сразу, но в течение некоторого времени, я поняла, что у меня пневмония.

К ночи мне стало хуже. И я пожалела, что не решилась за светло сходить в аптеку – лекарств у меня не было никаких.

Поздним вечером у меня началась одышка и боли в грудной клетке, и я несколько раз решала пойти к соседям и попросить их вызвать Скорую помощь. Однако у входной двери я передумывала.

У меня уже поднялась высокая температура, и мысли стали тягучими, навязчивыми. Я представляла, как приедут усталые и раздраженные врачи. Они меня спросят, что я делаю одна в чужой квартире – они это сразу распознают. Ведь постоянные жители еще днем вызвали бы участкового врача.

А также жизненный опыт мне нашептывал, что врачи Скорой помощи часто не вникают в суть, а просто, увидев зашкаливающий градусник, увозят в больницу. А в больнице я буду долго мерзнуть в приемном покое – там будут решать,

можно ли меня госпитализировать без прописки.

От этих мыслей меня трясло. Вернее, я уже не понимала, от чего меня трясет – от них, или от температуры. Также уже не было понятно, мне плохо от болезни или от страха.

У меня была баночка малинового варенья. Я вскипятила целую кастрюлю воды, влила туда варенье. И стала пить этот напиток. Лечилась пока только так.

Утром я собрала волю в кулак, надела всю одежду, какая у меня была, и побрела в аптеку, которая располагалась между остановками «Гостиница «Заря» и «кинотеатр «Буревестник», что на улице Ленина.

Я не стала покупать Гентамицин, которым уже несколько раз лечилась раньше. Я уже знала про существование «крутого» лекарства – оно называлось Ципролет. Также я купила шприцы и жаропонижающие средства. В расположенном «дверь в дверь» магазине я купила бутылку минеральной газированной воды – мечтала о ней всю ночь, и маленькую баночку меда.

Вся взмокшая, несмотря на сильный мороз, и очень уставшая, я пришла на квартиру. Начала делать себе инъекции.

Я болела весь январь – тяжело и надрывно кашляла, сильно отекала. Однако мне повезло, что я заболела в январе. Когда работаешь в вузе, январь всегда является фактически неофициальным отпуском. Работы мало – только консультации и экзамены у твоих студентов. И все – больше на работу ходить не надо. На обычной (не в вузе) работе – пришлось

бы пропускать ее – и потерять из-за болезни в зарплате.

Когда еще у меня держалась температура, мне надо было сдать экзамен самой – по бухгалтерии. В институт повышения квалификации пришлось ездить на такси – не было сил идти самой. Несмотря на высокую температуру, я успешно сдала экзамен и получила пятерку.

Первая неделя февраля тоже свободна для преподавателей вуза – студенты на каникулах.

Фактический зимний отпуск в вузе – это хорошо, однако в целом на преподавательской работе болеть, долго, с больничными, очень проблематично. Твоя нагрузка – годовая – должна быть вычитана. Ты можешь болеть и без больничного, тебя заменят – твои часы займут другими предметами. Но потом, хоть через силу, хоть и галопом, количество часов твоего предмета, все равно нужно выработать. Такого, как «солдат спит – служба идет» – в вузе не бывает.

Большой стаж работы в Вузе – 18 лет, в этом отношении меня «подпортил» – я не привыкла к больничным листам. Сейчас я уже знаю, что без полиса ты этот больничный и не возьмешь.

Я абсолютно не помню, был ли у меня в 2002 году полис. Наверное, не было. Я бы помнила, если бы был. Вот в 2004 году, когда я работала в Ногинском районе МО на заводе – точно был. Однако он меня все равно не выручил. А заболела я тогда неизвестной для себя болезнью – я потом ее назвала «тюремной», и была вынуждена обратиться к врачам. Вот

как это было.

Тюремная болезнь

Эта история показательна для иллюстрации моей перманентной проблемы «медицинское обслуживание/прописка». То есть к теме повести – она имеет лишь косвенное отношение. Но я не могу не привести ее здесь. Она для меня как бы сценарий событий, которые происходили бы в 2001/2002 годах, если бы я вздумала обратиться к врачам.

В период работы на заводе в Ногинском районе МО, я заболела подозрительной болезнью. Было это весной 2005 года. Тогда уже на всех предприятиях работникам выдавали медицинские полисы ОМС – обязательного медицинского страхования.

И вот, обнаружив у себя признаки невиданной доселе болезни, я по полису обратилась в поликлинику, и получила отказ в обслуживании. Так что я была права, тогда, в 2001–2002 году, что и не попыталась получить медицинскую помощь.

Странная и непонятная для меня болезнь началась с появления у меня на животе, в районе солнечного сплетения, посередине, раны – ярко-красной, зудящей до ломоты, и с пузырьками. Размером рана была с пятикопеечную монету. Ощущения боли были для меня совершенно незнакомые, пугающие по интенсивности. Но еще более странным и страшным для меня было то, что рана имела зеркальное

отражение, сквозной выход – на спине. Будто бы через меня навывлет прошла пуля.

Я очень испугалась. Я о такой болезни никогда не слышала и нигде про нее не читала.

Я продезинфицировала свои ранки, как смогла – обработала йодом. Позже я узнала, что этого делать нельзя было ни в коем случае. Нельзя было даже – около месяца – прикасаться влажной ватой, не говоря уже о купании. Я такой «ранкой» могла покрыться вся – с головы до пят.

Наутро после обработки мои «сквозные» раны стали размером с теннисные мячи. Ужасный вид этих ран сопровождался ужасными – болью и зудом.

Я запаниковала. Взяла полис и поехала в Ногинск в поликлинику. Полис был выдан мне предприятием Ногинского района. И я предполагала, что он давал право получить медицинскую помощь. Формально давал право.

Формально, но не фактически, как выяснилось очень быстро в медицинском учреждении города Ногинска. Меня отказались принять, так как в паспорте у меня отсутствовала прописка в Ногинском районе. На мой вопрос «А зачем тогда выдают полисы?» – пожали плечами. «Надо ехать в поликлинику в город, где вы прописаны постоянно», – посоветовали мне.

Мое состояние ухудшалось, а жизненный опыт и навыки самолечения не подсказывали, как помочь самой себе.

Я взяла на работе отпуск за свой счет на несколько дней

– без даты, вдруг меня положат в больницу. И поехала в город, где я была законно и постоянно прописана у своих родителей. Такие городки в народе – в шутку, но очень грубо, называют «Мухосранск» или «Зажопинск».

Ехать было достаточно далеко и долго – 6 часов на рейсовом автобусе. Мое плохое физическое состояние усугублялось моральными страданиями. Раны страшно чесались и болели, и я стала чувствовать себя заразной, прокаженной.

Кожные заболевания всегда у меня ассоциировались с инфекцией, заразой. И я стала очень сильно переживать: моя работа связана с людьми. Как начальник отдела кадров небольшого промышленного предприятия, я ежедневно по работе общалась с несколькими десятками людей. Если моя болезнь заразна, и я где-то подцепила страшную инфекцию, то меня положат в больницу и сообщат на работу. Это просто «конец света», – заключила я. Меня уволят, это точно. И выелят из общежития. И я опять останусь на улице, без работы, без денег и теперь еще и с экзотической болезнью.

С каждой минутой в автобусе мне становилось все страшнее и страшнее.

Еще перед выездом я звонила маме, рассказала, что случилось, и сказала, что еду – посетить врача по месту законной прописки.

Приехала я к месту назначения под вечер, было уже около 6 часов. И пошла сначала к маме – мне нужны были кое-какие вещи и документы. Ведь я была уверена в госпитали-

зации – мне было уже очень плохо. Раны значительно увеличились в размере и нестерпимо болели. Я очень устала продолжительное время в автобусе не показывать вида, что со мной что-то не так, терпела зуд.

Мама меня домой непустила, а сбросила вещи и документы с балкона. Ведь я могла быть заразной. Я поняла ее. Это правильно – нельзя подвергать риску здоровье близких людей.

Но, скажу я вам, очень больно и страшно быть «отверженной», «заразной». Мне и так было и нестерпимо больно физически, и страшно от предстоящей потери работы и жилья. А тут еще меня не пустили на порог, поговорили со мной через закрытую дверь. И сбросили вещи сверху, как в вольер, с расстояния. Это меня сломило окончательно.

Я подняла сверток и побрела в кожно-венерологический диспансер.

Классически советского вида дежурная в регистратуре диспансера, со строгим лицом, и очень внимательно, выслушала меня. Потом она тщательно изучила мой паспорт и медицинский полис. «Такой полис не пойдет», – мрачно сказала она. Нужен полис нашего города, выданный по месту прописки. Но его вам дадут, если вы безработная. Но если вы не безработная, то нужен полис от предприятия. Но мы примем только полис предприятия, расположенного в нашем городе и в нашем районе. А если вы работаете в другой местности, то полис не подходит.

Я обмерла. Я поняла, что и здесь меня не примут. И что мне надо теперь идти только на кладбище и уже сейчас, самостоятельно, начать рыть могилу. Другого выхода нет. На фоне физического нездоровья, долгого пути в душном автобусе, отказа от меня, больной, членов моей семьи, другого выхода, кроме кладбища, я уже не видела.

У строгой дежурной я решила попросить совета, как мне облегчить боль и зуд. И все. Чтобы полечиться самой. Я рассказала, что меня и в Ногинске не приняли – «есть полис-нет прописки». И здесь не принимают – «есть прописка-нет полиса».

Дежурная дала краткий и дельный совет: платный прием. Оказывается, все так просто. Заплатить. Почему же мне в Ногинске не подсказали такой выход? Для не имеющих комплекта документов, дающих право на медицинское обслуживание, как у меня, существует платный прием – это было светом в конце тоннеля.

Я оплатила прием, и получила талончик к врачу. Но на 8 часов утра следующего дня.

Нужно было где-то переночевать.

В этом городе я никогда не жила, и совершенно не знала, какие здесь есть гостиницы – и чтобы недорого, и чтобы прилично. Поэтому я решила позвонить своей взрослой дочери и спросить насчет гостиницы. Она тогда жила, работала и снимала в этом городе квартиру.

Моя дочь очень удивилась, когда услышала вопрос про го-

стину: «Почему я не иду переночевать к ней?». Я объяснила: возможно, опасная инфекция. Дочка рассмеялась. Она сказала мне, что вокруг очень много разнообразной инфекции: в автобусе, например, чесотка и туберкулез, в кафе, в салате может притаиться сальмонеллез, Боткина и дизентерия, а в бане – хламидии, и даже что похуже многократно. «Если всего бояться, то, как же тогда жить?»

И дочка распорядилась идти ночевать к ней.

Вечером, дома, дочка продолжала надо мной подтрунивать: «Ты ведь вроде работаешь на заводе – кадровиком, а не на панели – проституткой. Откуда у тебя может быть опасная инфекция? И ты вроде бы в Африку не ездила, бороться с эпидемией в первобытном племени, заполучить экзотическую болезнь было негде».

А еще, увидев на талончике фамилию врача, к которому я пойду, она сказала, что это знаменитый в городе врач, очень хороший, в преклонном возрасте и очень-очень опытный. Он обязательно поможет.

Наступило утро, и я пошла к врачу. Захожу в кабинет – доктор выглядит как в сказке – чисто Доктор Айболит. Очень преклонных лет седовласый старик, в белоснежном халате фасона 30-х годов – с завязочками на спине.

Доктор сидел за столом, что-то писал. Меня присесть рядом на стуле не пригласил, «на что жалуетесь» не спросил. Бегло взглянув на меня, кивнул на кушетку и коротко приказал: «Раздевайтесь».

Я стала раздеваться дрожащими от волнения руками. Когда на мне осталась только юбка, доктор еще раз взглянул на меня. Он не подошел, не рассматривал мои раны, не вертел меня. Просто секундным взглядом посмотрел и сказал: «Одевайтесь. Это не ко мне. Вам надо к невропатологу». И все. И начал молча что-то писать.

Я обреченно, понимая, что не получаю никакой помощи и сейчас, одевалась. Руки так дрожали от волнения, что я ничего не могла с первой попытки застегнуть.

Тут доктор заговорил со мной, спросив, почему у меня платный прием. Я объяснила. Тогда, сказал доктор, если у вас не в порядке документы, не идите в районную поликлинику, а идите только в городскую. Только там есть платный прием у невропатолога.

Когда я оделась и направилась к выходу, наверное, согнувшись под тяжестью новой проблемы – искать другого врача, и уже взялась за ручку двери, доктор внезапно окликнул меня. Я думаю, он меня пожалел. Он пригласил меня присесть на стул рядом с ним со словами: «Давайте я все же сделаю вам назначения. К невропатологу всегда запись за неделю. А вам очень больно, да и состояние в целом за неделю может непредсказуемо ухудшиться».

Я сидела на краешке стула и молчала, пока доктор долго что-то писал. Закончив писать, доктор подробно рассказал, что мне нужно купить из лекарств, и как делать инъекции и повязки, как питаться, купаться и так далее. Болезнь серьез-

ная, и лечение будет долгим и тяжелым.

Я уточнила у доктора, действительно ли эта болезнь не заразна. Он подтвердил. Он сказал, что эта болезнь исключительно нервного происхождения.

Доктор спросил, есть ли у меня кому делать мне инъекции. Я ответила, что я всегда сама себе делаю уколы. Но доктор возразил. Он сказал, что выписал мне особое, для этой болезни, обезболивающее средство в виде густого масла (его надо разогревать во время инъекции), которое настолько болезненно во время введения внутримышечно, что сама себе я ввести его не смогу. Могу потерять сознание от боли. (Мне стало смешно – больное лекарство от боли). Но зато потом это лекарство обеспечивает несколько часов отсутствия болей вообще – можно будет поспать и отдохнуть.

От осознания, что доктор пожалел меня и сделал назначения, душа моя размягчилась, настроение поднялось, и мне даже полегчало. Человек пожалел меня, что мне очень больно. Не отфутболил.

В аптеке я купила все лекарства и пошла на квартиру. Пришлось позвонить на работу и продлить себе заявление на отпуск – решила пожить у дочери, чтобы она делала мне инъекции – очень больные масляные инъекции от боли.

Лекарства доктор назначил очень эффективные. Я быстро шла на поправку.

Уже в Ногинске мои раны осмотрел еще один опытный человек. Он меня даже рассмешил (с некоторой грустью). Он

сказал, что «такую болезнь в массовом масштабе он видел в тюрьме». Оказывается, эта болезнь нервного происхождения, очень распространена среди заключенных, так как чаще всего является реакцией нервной системы человека на ограничение свободы.

Закрытое пространство, высокие заборы, строгий режим дня, отсутствие личного пространства, наблюдательные посты-вышки – все это вредно для человеческого организма. И может вызывать болезнь.

Эти слова человека, видевшего такую болезнь в массовом масштабе в тюрьме, глубоко ранили меня. Потому что он «попал в точку». Я, Слава Богу, в тюрьме не была. Но в общежитии, где я жила, тоже были высокие заборы с ограждениями по верху. Конечно, это не была колючая проволока, но тоже очень надежно и впечатляюще. А ворота на территорию этого общежития закрывались наглухо, без щелей и ручек. Чтобы войти на территорию, нужно было встать в определенном месте, под глазок камеры – в фас и профиль. Тогда тебя опознают, и дверь откроется автоматически.

А из общежития на завод вела дорога. Извилистая, через пустыри. Очень унылый и безлюдный вид местности – пылица летом, девственные сугробы зимой, подвывающий ветер (от пустоты вокруг) в любое время года – все это внешне напоминало мне кадры из фильмов про «места отдаленные». А дальше начинался сам завод – и опять заборы, ограждения, пропускные контрольные пункты, строгая пропускная

система и режим. Все – строго. Все – под контролем и надзором.

Наверное, люди, имеющие семьи и не столько печальный опыт одиночества и защищенности, как у меня, этого и не замечали. Но не я. Я старалась не замечать, но организм все равно выдал реакцию – в виде «тюремной болезни».

* * *

Вернемся, однако, в январь 2002 года. Весь месяц я лечила пневмонию. Но 10 января произошло нечто знаменательное. У меня исчезла шишка в правой груди. Это было важное событие, веха, перевал. Второй мой перевал в отношении болезней женской груди.

Второй перевал

Значительное уменьшение и размягчение шишки в правой груди я заметила еще в декабре. А в январе я отвлеклась на простудное заболевание, и сам процесс окончательного исчезновения шишки пропустила. Только 10 числа я констатировала: ее больше нет. О чем я и внесла запись в свою черную тетрадь.

Я не могла нарадоваться: грудь была мягкая и ровная. Также я очень удивлялась, что избавление от проблем моей правой груди. Как и два года назад, совпало с простудным заболеванием и приемом антибиотиков. Проблемы груди с промежутком в два года казались мне двумя перевалами в горах. Трудный подъем, несение тяжестей, и наконец, ты на вершине перевала.

Термин «перевал» в горном туризме, как спорте – это самая низкая точка прохода (пешего) между двумя горными вершинами. Наиболее рациональный путь.

Также и в моих болезнях. Я разработала наиболее приемлемый способ лечения. И вот он, результат – перевал пройден.

Я не знаю точно, была ли у меня опухоль, или РМЖ в начальной стадии, или это было что-то доброкачественное, неопасное для жизни. Не знаю. Но, по крайней мере, не зная наверняка степени опасности для моего здоровья и жизни, я

все же приложила массу усилий по спасению самой себя. И не жалею об этом.

Еще полгода я продолжала комплексное лечение по своей черной тетради – на всякий случай, для закрепления положительных результатов.

В это время, в январе, я еще сильно болела, кашляла, плохо питалась, ужасно выглядела. У меня уже исчез страх неизлечимой болезни. А также связанный с ним страх хосписа, агонии и смерти. Но в одну из ночей мне приснился нездоровый сон. Вроде и сон/не сон, явь/не явь, болезненные по ощущениям и воздействию на психику. Я это сочла как бы прощанием со смертью. На время. Ведь все мы смертны, и рано или поздно, смерть к нам придет.

Визитка смерти

Еще летом 1999 года, во время моих огороднических работ в поселке, на участке родителей, в период моих теперь знаменитых для меня водно-огороднических процедур, я среди бела дня боковым зрением увидела НЕЧТО.

Это нечто было черным и страшным, и каким-то непонятным существом. Ростом оно было см 40, не выше, имело горб и выглядело больше как очень старая женщина, чем какое-то мифическое существо из сказок. Это НЕЧТО шло между грядок необычным шагом – вроде и не шло, а катилось, не касаясь земли.

Я испугалась не на шутку, и решила, что перегрелась на солнце. Привидится же такое, ужас.

Позже, когда я заболела и стала опасаться за свою жизнь, я вспомнила этот эпизод, и пришла к болезненному выводу – я видела в тот день свою смерть. Или материализацию страшной, смертельной болезни. Что по сути одно и то же.

А ночью после того видения я увидела сон. Вроде лежу я в постели и не могу спать, потому что вижу: за окном очень светло. И я размышляю, что надо было задернуть занавески, чтобы спокойно спать. И тут кто-то невидимый задерживает занавески. И становится неестественно темно. Так не бывает – всегда занавески чуть просвечивают, и щелки остаются. А тут – наступила непроглядная, умопомрачительная тьма. Я

вглядываюсь в эту тьму, и от этого тьма становится еще более темной и непроглядной. Я пытаюсь встать с постели, и не могу. Как только в голове у меня мелькнула ассоциация с могилой – будто я уже мертвая в могиле – темно непроглядно и больше нет возможности пошевелиться физически – я проснулась от ужаса.

В январе 2002 года я ничего подобного не видела. Но почувствовала. И услышала мысленную речь этого существа, или сущности – не знаю, как правильнее назвать. И вот что я услышала внутренним слухом:

«Ишь, какая ты хитрая да скорая, обрадовалась, умирать собралась. Хоспис нашла, дела завершила. Решила не бороться за жизнь по-серьезному, не пошла к врачам. Но не так все просто.

Жить труднее, чем умереть.

Смерть – это всегда благо. Это финал, исход и уход в мир, гораздо более совершенный, чем земной.

Этот уход еще надо заслужить, пройдя свой, предназначенный именно тебе, жизненный путь.

Люди по незнанию боятся смерти. Скорее, они боятся неизвестности. Ведь страшновато и волнительно даже уезжать в другой город или страну, менять работу. А тут менять измерение и слой – ужас-то какой!

Также люди боятся боли. Приближение смерти чаще всего сопровождается болью – от болезни, или по какой-либо другой причине.

Но сама смерть – это хоть и мучительное, трудное событие, но такое же торжественное и важное, как рождение.

Знай, что страшиться нужно не самой смерти. Бояться надо – не успеть подготовиться к ней. То есть, ничего не понять в своей жизни. Поэтому – готовься. Думай. Думай. Думай.

Не страшно – умереть. Страшно – ничего не понять.

Каждый человек имеет глубоко внутри себя бессмертную, нетленную и неделимую часть – душу, или монаду. Вот она-то, по причине своего бессмертия, знает и помнит, ЧТО там. И насколько там лучше, чем здесь (кроме миров возмездия, разумеется). Однако эта память не доступна человеку. Если бы это было доступно, люди бы выстраивались в очередь, чтобы побыстрее уйти ТУДА.

При всем этом, все же не рекомендуется торопиться и провоцировать уход в другой мир раньше времени. Земная жизнь дает исключительно важный опыт. Поэтому нужно стараться как можно дольше продержаться в земной жизни, в физическом мире, используя каждый миг для приобретения нового опыта, знаний, навыков и умений. Даже если остались сутки пребывания на земле – их надо активно использовать – думать, искать, смотреть, изучать.

И, бороться надо за свою жизнь, не переставая. Если стоит вопрос о выживании, нужно использовать все возможности, чтобы хоть чуть-чуть, но продлить свою жизнь.

Живи и ты. Борись за свою жизнь изо всех своих сил и набирайся земного опыта по максимуму. А не просто размыш-

ляй о смерти, с позиции страха, переживаний и паники. Не считай ее своим врагом. Но думай, как о долгожданной гостье, которая в один необыкновенный день придет к тебе.

Это и будет правильной подготовкой к важному событию – собственной смерти».

Глава 4. Под занавес

К февралю 2002 года мои проблемы с грудью в целом были решены. Вроде можно было бы закончить мою повесть. Однако для лучшего понимания причин и следствий событий, имеющих описание в этой повести, я сочла нужным дополнить повествование информацией о своей жизни в последующий период – еще примерно в течение года.

7 февраля начался новый семестр. В этот день мой заведующий кафедрой Краев объявил мне: «Внебюджетная нагрузка у тебя будет. Можешь снимать квартиру и налаживать независимый быт. И готовиться к лекциям, семинарам, и прочим видам научной и преподавательской деятельности.

Уже через два дня я переехала в «малосемейку», недалеко от работы. Для меня это было неслыханным на тот момент счастьем. Не сказать, что люди, у которых я прожила полгода, меня обижали, или выгоняли. Вовсе нет. Но я тяготилась своим проживанием в чужой семье на положении бедной родственницы.

Жизнь опять наладилась. Официальной зарплаты будет хватать на оплату жилья, а все дополнительные заработки обеспечат меня пропитанием – радовалась я. Отлично!

Малосемейная весна

Дом, где я поселилась, внешне был монументальным – будто это дом сталинской постройки, с огромными, просторными квартирами с очень высокими потолками. Но внутри было нечто совершенно другое. Мне бы очень хотелось познакомиться с архитектором – создателем такого «интересного» жилого дома. Спросить – чем он руководствовался?

Несмотря на внушительную длину, в доме был один подъезд. Сам дом был многоэтажным – 12 этажей. На каждом этаже от лестницы и лифта в противоположные стороны уходили, чуть ли не до горизонта – так казалось – длинные и узкие коридоры. И по обеим сторонам этих коридоров шли нескончаемые ряды дверей. Как в общежитии.

Стены подъезда, лифта и унылых темных коридоров были испещрены надписями и сюрреалистичными картинками. А полы были деревянными, скрипучими и покрашенными облупленной коричневой краской – на вид, не позднее 20-х годов. Казалось, что этот дом расположен в гетто, где проживают исключительно депрессивные люди с мрачным тюремным прошлым.

Несмотря на тягостный вид подъезда, сама квартирка была светлой – за счет больших окон, чистой и без тараканов. Только все стены были до середины покрашены грязно-зеленой краской. Как в больнице для бедных, в 19 веке.

Весь февраль я еще лечила последствия пневмонии – сильные отеки. Переживала – вдруг это осложнение. Села на творожную диету и пила отвары лекарственных трав. Также для профилактики продолжала противоопухолевое лечение, в отношении груди. Грудь у меня очень болела всю весну, но совсем не той страшной болью, как в 1999 году, и без шишек, как в 2001. Они просто ныли, тяжелели, покалывали и «пышили жаром». Чтобы не было ночью во время сна особенно больно, я сшила специальные валики – для поддержки груди в ровном положении, не допуская ее провисание, если поворачиваешься во сне на бок.

Квартира была микроскопическая – только на одного человека. Все было крошечным – комната, кухня, туалет и душ. Как бы игрушечным, не настоящим. Но в этом доме были настолько толстые стены, несоразмерные с площадью самой квартиры – и внешние, и между соседями, что вообще не было никого слышно.

Мне было комфортно в этой квартире – очень тихо. И я радовалась, что я опять сама себе хозяйка.

Настроение у меня было хорошим. Весенним настолько, что с первой зарплаты я купила себе духи.

Теперь я была здорова, весела и очень хорошо пахла.

Но, так как грудь еще болела, и были свежи воспоминания о болезни и переживаниях осени и зимы, мне однажды приснился страшный сон. Он очень меня напугал, хотя и остался единственным мрачным воспоминанием о жизни в эту ма-

лосемейную весну.

Ночной визит

Между кроватью, на которой я спала, и стеной был зазор. Вплотную придвинуть кровать не получалось из-за ее строения, да и не хотелось – от стены веяло холодом.

Легла я спать. Лежу на спине. На мне ночная сорочка из хлопка в цветочек, без рукавов, размера на два больше, чем надо бы. Сверху одеяло. Ровненько так лежу, руки по швам.

Вдруг слышу, и одновременно как будто вижу со стороны (даже похоже, что будто на экране), из этого зазора выползает змея.

Змея была красивая – серо-бежевая, со сложным рисунком на спине по всей длине. А длина у нее была – 2,5 метра. Фигура у этой змеи была с заострением с двух сторон – маленькая голова постепенно переходила в толстое тело, в конце толстое тело постепенно сужалось, и хвост был намного более тонким.

Толщина тела змеи в самом толстом месте была ровно такой, как если бы я сложила кисти рук. Большой палец руки к большому, а средний – к среднему. И изобразила бы окружность.

Эта змея мордочкой приподняла одеяло со стороны стены, и поползла под него. Уже под одеялом она проскользнула в левую пройму ночной сорочки и поползла по моей голой груди, по ее верхней части – посередине этой верхней части,

что выше сосков. Она так проползла по всей груди, выползла из-под сорочки через правую пройму, выскользнула из-под одеяла, и нырнула опять под кровать.

Все это произошло очень быстро. Но я успела, и обмереть от страха и отвращения, и даже вскочить и включить свет. При свете я успела увидеть хвост змеи, когда она уползала под кровать.

Увидев этот хвост, я проснулась.

От ужаса, пережитого во сне, я вся была влажная. Место на груди – толстая полоса, где проползла змея – зудело.

Заснуть не представлялось вероятным. Тогда я встала, налила ведро воды, вылила в него бутылочку аптечного нашатыря (аммиака). И вымыла пол в комнате. Особенно тщательно я мыла под кроватью.

Аптечный нашатырь, или аммиак, является очень хорошим средством для закрытия щелей между измерениями, которые могут случайно образовываться. Если эти щели не латать, те жители смогут постоянно к тебе заглядывать «в гости», «на огонек». Это совершенно ни к чему!

Я понимала, что такой сон приснился мне неспроста – мой организм и душа еще продолжали переживать стресс, связанный с болезненными проявлениями в прошедший только что период.

Новый метеорит

Весна была хорошей. Работа, здоровье, жизнь в квартире – все было хорошо. К папе в это время я решила пока не ходить. Надо немного укрепить нервную систему, чтобы в дальнейшем стать сильнее и удачливее, – рассудила я.

В конце апреля в университете проходила научная конференция. А на ней я неожиданно встретила своего заведующего кафедрой из Самары, М. И. Увидев его, я чуть не рыдалась, будто встретила по-настоящему родного человека. Он, действительно, когда-то мне много помогал, как самый настоящий родственник. Значительно помогал, и совершенно бескорыстно.

М. И. живо интересовался, как я теперь живу. Я рассказала. Он заметил, что я так и не решила свою главную жизненную проблему – жилищную. Но я сказала ему, что я решила много других проблем, из-за которых я вынужденно уехала в 1996 году из Самары. Так что, – похвалилась я, – в целом у меня все хорошо.

Я немного потеряла душевное равновесие из-за этой встречи – разбередились старые раны. Но постепенно я успокоилась.

Позже выяснилось, что встреча с М. И. была метеоритом, который влетел в мою жизнь и спровоцировал новые потрясения.

Трудное решение

Через несколько недель я получила из Самары письмо. В нем М. И. писал, что он расстроился – моя жизнь так и не наладилась: «Тебе уже под 50 лет. Так и не удалось тебе создать семью, приобрести дом. Хотя бы какую-нибудь комнатку. Дело идет к старости, и тебе некуда будет, уже через несколько лет, приклонить голову.

Мне настолько тебя жалко, – писал мне М. И., – что я решил еще раз тебе попытаться помочь.

Сейчас уже другая жизнь, продолжал М. И. Я больше не смогу просить для тебя комнату в аспирантском общежитии, как в 1993 – прежний ректор умер, а новый, молодой и энергичный, уже является представителем совершенно другой формации. Вряд ли он меня поймет. Да и времена изменились. Сейчас уже нет вообще никаких помещений в собственности вуза – приватизировали, по-моему, всё. Включая чуланы, в которых раньше дворники хранили метлы.

Но я поговорил с одним важным человеком, рассказал о тебе. И он пообещал помочь.

Так как времена кардинально изменились, в Самаре появились новые люди. Очень богатые. Они входят в состав попечительского совета вуза, оказывают ему финансовую поддержку.

Человек, который пообещал тебе помочь, весьма состоя-

тельный, уважаемый, и входит в этот попечительский совет. Он сказал, что купит комнату и передаст ее – в составе прочей помощи, или дара – вузу».

Далее, таков придуман план, я приезжаю в Самару, устраиваюсь вновь на работу, на свою кафедру.

Далее – «дело техники». Попечительский совет «порекомендует» ректору передать эту комнату мне. В качестве материальной помощи, в связи с особыми обстоятельствами.

Процесс передачи этой комнаты именно мне проконтролирует этот важный человек, мой добродетель.

М. И. написал, чтобы я приняла решение. Это – мой последний шанс покончить со своей хронической бездомностью. Комната будет передана мне в собственность, в дар, с постоянной пропиской.

«Человек – благодетель, – написал М. И. – очень надежный, солидный, порядочный. Как сказал – так и будет».

Вот так. Я опять была на распутье. Жизнь опять требовала, чтобы я принимала серьезное решение.

Синдром «Воркута-Ленинград»

Жизнь циклична – это факт. Но часто цикл-круг никак не приподнимается, чтобы образовать спираль. Это признак кармического нездоровья судьбы – ходить по замкнутому кругу на одной плоскости, не по спирали. Вот я и ходила много лет по одинаковым замкнутым кругам. Безуспешно пытаюсь их прорвать. Видимо, никак уроки судьбы не могла выучить.

Еще одним признаком нездоровья судьбы является синдром «Воркута-Ленинград». Это когда у судьбы часто и болезненно раздваивается дорога. Как в сказке: «налево пойдешь – сам погибнешь, а направо пойдешь – коня потеряешь», что также равносильно гибели в тех географических условиях.

В 1996, 2003 и 2004 годах у меня возникали такие раздвоения дороги жизни, когда я вынуждена была сделать болезненный выбор. Я выбор делала, но далее сценарий жизни развивался печально, и я начинала сама себя «есть поедом», что, мол, неправильный путь выбрала на развилке.

Судьба перестала демонстрировать мне этот синдром, намекая, что я немного оздоровилась, когда я пришла к выводу, что все три раза я делала абсолютно правильный выбор. Если бы я в эти три раза сделала другой выбор, то сценарий судьбы развивался бы не по печальному сценарию, а по тра-

гическому.

Но такой вывод я сделала намного позднее. А в 2003 году я стояла у развилки дороги судьбы и очень мучилась. Мне не по силам и не по средствам было осуществить еще один переезд – в другой город. Я устала мотаться по стране, уже была не молода, у меня уже не было столько сил и энергии, как в предыдущие годы.

Жизнь во Владимирской области и во Владимире с 1996–2003 годы не была легкой. Но она в целом не была столь трагичной, как в Самаре в 1992–1996 годах – там я выжила чисто случайно. Владимирский период жизни, несмотря на громадьё проблем, я называю «Светлым», а первый самарский период «Страшным».

Мне было страшно возвращаться в город, где я чуть не пропала, не сгинула, не погибла.

Но принимать решение о переезде, или отказе от него, мне было нужно. И я решила посоветоваться со своим заведующим кафедрой во Владимире, В. Н.

Направо пойдешь...

В. Н. внимательно читал письмо М. И., курил и размышлял. Потом он сказал мне следующее:

«Ты хороший сотрудник кафедры. Мне будет жаль, если ты уедешь. Но твой М. И. прав. Такой шанс упускать нельзя. Во Владимире тебе не светит решить жилищный вопрос. Здесь люди если и вытягивают покупку квартиры, то только вместе, скопом, кланом. Они складываются – всей родней, закладывают свои дома во всяких Александровах, или Ковровах, или Судогдах. Они здесь жили всегда – у них есть материальная база.

А ты – одна на всем белом свете. Разве ты потянешь кредиты да ипотеки? Напряги последние ресурсы, сожми зубы, соберись и поезжай. Это счастье, что нашелся благодетель, который захотел тебе помочь. Воспользуйся. У тебя в этом семестре хорошие приработки, получишь отпускные, расчет. И тебе хватит на дорогу и переезд. Не решишься – будешь жалеть. Здесь тебе даже направление в Дом престарелых никто не выпишет – ты чужая и беспрописочная. Я бы помог – но я намного старше. Когда тебе понадобится направление в богадельню, меня уже не будет в живых».

А еще В. Н. помог мне оформить командировку в Самару, чтобы без личных расходов съездить, все посмотреть и окончательно договориться.

Я съездила в Самару. Познакомилась со своим Благодетелем, посмотрела комнату. И приняла решение.

Закончился учебный год. Я уволилась, осуществила все мероприятия по переезду, отправила в Самару контейнер со своими вещами, раздала хорошим людям цветы из своей оранжереи.

В конце августа я уехала сама. На первые дни остановилась у своих друзей.

Благодетель

В Самаре за 5 дней до начала учебного года надо было придти в отдел кадров и подписать трудовой контракт. Что я и сделала.

Контейнер уже пришел в город, но я не забирала его с контейнерного двора – чтобы сразу привезти вещи в свою комнату, и сразу, распаковав их, навести в комнате порядок.

На следующий день после подписания трудового контракта была договоренность начать оформление комнаты.

Утром зазвонил телефон, а у меня почему-то заныло сердце. Звонил М. И. Он сказал мне: «Руфа, держись. Твой Благодетель умер».

Чип и Дейл спешат на помощь

Устоять на ногах от такой оплеухи судьбы мне помогли мои друзья, у которых я остановилась. Это были те самые друзья, которые и с топливом для печки помогали в 1993 (см. «Как я в России печку топила»), и вообще, именно они не допустили моей гибели в первый самарский период.

С конца августа 2002 по февраль 2003 я жила у них – полгода. Зарплаты моей не хватило бы на аренду жилья и питание. Запасов денег не было – все было истрачено на переезд.

Относились мои друзья ко мне очень и очень хорошо. Но я бесконечно тяготилась тем, что жила в приживалках. Я устала от того, что постоянно попадаю по самые уши в полное, что меня постоянно надо спасать. Я мечтала, наконец, уметь самой решать свои проблемы, зарабатывать достойные деньги, выживать не как в войну, а просто жить.

Но не получалось. И я постоянно нуждалась в помощи «спасателей». Они спешили мне на помощь – что каждый раз подтверждало мою никчемность, беззащитность, нежизнеспособность, одним словом – неполноценность.

Через полгода, на второй семестр, я нашла подработки. Теперь можно было снять квартиру – войти в свой привычный замкнутый круг – зарплату отдавать квартирным хозяйкам, а на подработки жить. И войдя в очередной замкнутый круг, я радовалась маленькому глотку относительной свобо-

ды, иллюзии жизненного успеха на очередной учебный семестр, и надеялась на лучшее. И в этом тоже проявлялась моя неполноценность – я всегда строила огромные планы, разрабатывала стратегию и тактику их воплощения в жизнь, и верила, что еще чуть-чуть напрячься и потерпеть, и жизнь наладится. Полноценный человек давно бы понял, что это невозможно.

Начался март 2003 года. Я заплатила вперед за месяц арендную плату, и купила продукты – картошку, макароны, растительное масло и крупы. Также я купила месячный проездной билет на все виды транспорта, в Самаре его почему-то называют «Сезонка».

От февральского заработка у меня оставалась сумма на 0,5 л молока и 0,5 буханки хлеба ежедневно – на 15 дней. Я всегда делала так – разменивала эти деньги очень мелко. Брала в библиотеке белые небольшие конверты из вторичной бумаги – в них обычно карточки библиографические хранили. На каждом конверте я писала дату и укладывала туда рубль двадцать копеек. Цифра 1.20 условная. Ее значение было разным в разные периоды – но этой суммы хватало ровно на хлеб и молоко в указанных количествах. И конверт заклеивался. Открыть его можно было только в день, указанный на конверте.

Я радовалась – бюджет сросся. Квартира оплачена, продукты есть, сезонка есть, хлеб и молоко – хватит до аванса – 15 заклеенных белых конвертиков с 1.20 в каждом это га-

рантировали! Здорово!

И тут я получаю известие о смерти отца.

Невменяемость

Это не было для меня громом среди ясного неба. Я давно морально была к этому известию готова. То состояние, в котором папа пребывал последние годы, и больница, в которой жил, давным-давно «кричали»: смерть будет для него благом, освобождением и избавлением.

Однако смерть папы стала катализатором болезненных процессов внутри меня самой. Возвращение в Самару, смерть Благодетеля, проживание в приживалках, безденежье – несмотря на интенсивную, почти круглосуточную, умственную работу, и полное отсутствие жизненных перспектив – все это вкупе со смертью папы ввергли меня в странное состояние.

Сейчас я определяю свое тогдашнее состояние, как невменяемость. Та самая, благодаря которой некоторые преступники оправдываются судом. Когда человек не отдает отчет в своих действиях.

У меня посинело лицо. Буквально. Почему-то прорвались подкожные капилляры всего лица, а также в белках глаз. В транспорте люди смотрели на меня с жалостью – думали, что я спиваюсь.

Я работала на «автопилоте», ничего не соображая. Я не обратилась ни к кому за помощью или за советом – как мне организовать поездку на похороны отца. Я не попыталась за-

нять деньги на похороны, и не обдумывала, как потом отдавать долг. Я никого не просила заменить меня на работе основной, пока я буду отсутствовать – это было реальным. Уже тем более я не заикнулась о замене меня на подработках – в двух местах моей дополнительной работы. Я не думала, что это было опасным – в плане потерять эти подработки. Самара огромный город, там жесткая конкуренция в отношении подработок – сорвешь один раз учебный процесс, и тебя выкинут без расчета. Эта работа официально не оформлялась.

Я не переживала, что у меня нет наличных денег – у меня было 15 заклеенных конвертов, по 1.20 в каждом. И я не думала, что сумма, находящаяся в этих конвертах, недостаточна для поездки на похороны отца.

Ни о чем я не думала. Я боялась улицы, людей, транспорта. Я торопилась быстрее вернуться на квартиру, закрыться на все замки, и забиться в угол. И так сидеть, в темноте и тишине. Какие вокзалы, билеты, поездки? Это даже не пришло мне в голову.

Сейчас я понимаю, что с момента сидений в углу с подвываниями – во Владимире, и таких же сидений в углу – в Самаре, но, уже молча – произошел значительный регресс. Проявление эмоций в виде слез – это плохо, но не совсем. Все же слезы – это эмоции. А вот молчание и отсутствие мыслей и идей, неспособность принимать решения – это плохо СОВСЕМ. В таких случаях часто возникает реальная опасность пожизненной госпитализации в соответствующую

клинику.

Меня такая опасность миновала – я не числилась нигде, и не была «прикреплена» ни к каким медицинским учреждениям. У меня не было законной постоянной прописки.

Очнулась я недели через две. Побелело мое лицо и белки глаз. Но, как выяснилось через много лет, с этого момента синева перешла на мою душу. И высветление души началось только через восемь лет.

Анафема

Я не была на похоронах своего отца. Я знаю, что это плохо. И я не пытаюсь объяснить этот факт своими жизненными обстоятельствами. Я живу с этим фактом. Не проклиная себя за это, но и не оправдываю.

Однако за этот факт мне была объявлена анафема со стороны и второй, и первой очередей родственников.

Сначала анафему я просто почувствовала, а через несколько лет мне о ней громко заявили. А еще через несколько лет за это, но не только за это – перечень моих изъязнов очень внушителен – я была даже изгнана из племени.

* * *

И.В., который имел под своим каблуком ресурсы огромной страны, и то, в 1935 году, не был на похоронах своей матери. Но его, в отличие от меня, за это никто не попрекнул.

Это я так, к слову – ни в коем случае я, обычный заурядный человечек, не сравниваю себя пусть с одиозным, но по истине великим человеком.

Слезы по горной стране

Все годы своей эмиграции, вплоть до недавнего времени, я жалела, что уехала из родного города и своего дома.

Годы шли, а проблему жилья я так и не решила, и постоянного места жительства на новой родине так и не обрела.

Я поняла, – намыкавшись и намотавшись по стране, устав и состарившись в бесконечной борьбе за выживание, в пустых хлопотах по налаживанию жизни, – что есть истинные ценности.

Эти ценности гораздо важнее, чем жизнь в свободной, демократичной и светской стране, с ее широким выбором учебных заведений и профессий, шансами на устройство личной жизни. И прочими условиями, которые мне казались очень важными в 1992 году, когда я решила покинуть родину.

Теперь я знаю, что самое главное для человека – не шансы и свободы, а наличие своего дома (квартиры, комнаты) – с законной настоящей пропиской. Это – истинное счастье.

Это счастье, что раз в месяц к тебе не придут чужая тетя, или дядя, и не заберут твою месячную зарплату. И чтобы прокормиться, тебе не придется в 3 раза больше работать.

И эти тетя, или дядя, не скажут тебе внезапно: съезжайте, освободите квартиру – «мой (моя) внук (внучка) выходит замуж (женится)».

И тебя не выселят из твоего дома, если ты заболеешь, и не сможешь работать на второй и третьей работах – много зарабатывать.

А если ты заболеешь так, что придется умирать, тебе не придется искать хоспис, чтобы не умирать на городской свалке.

Я жалела о своем решении 1992 года. Лучше пусть война, бедность, враждебность, сложный политический режим. Все пережить легче, чем бездомность.

Беседы о главном

Пришло лето 2003 года. Закончились подработки. Если платить за квартиру – нечего будет кушать. И я пошла к ректору – тому самому, представителю новой формации – откровенно поговорить. А что мне терять?

Я сказала ему следующее: «Я понимаю, что не представляю ценности для вуза, – несмотря на ученую степень, огромный стаж и опыт, большое количество разработанных курсов лекций и написанных методичек, любовь студентов и уважение коллег, – настолько, чтобы помочь мне решить жилищную проблему. Но мне уже столько лет, что я могу физически не выдержать резкого падения веса по причине голодания. А вес упадет значительно, ведь мне в ближайшие три месяца не на что будет покупать еду. Разрешите мне летом пожить в студенческом общежитии, бесплатно, пока студенты на каникулах».

Ректор разрешил. А также он мне сказал: «Вы представляете большую ценность для вуза, но помочь с жильем нет никакой возможности.

Однако сейчас университет начинает строить дом для преподавателей. Хотя квартиры нужно будет покупать, а не просто получать, как в советские времена. Такая уж теперь жизнь.

Попытайтесь по родственникам собрать хотя бы первона-

чальный взнос. Или найдите себе мужа. Одной – такой проект, как приобретение жилья, – не потянуть. Трудно даже просто арендовать квартиру. Я не представляю, как вы выкручиваетесь. Жить на квартире по силам только семье – один супруг платит за жилье, на зарплату второго семья живет. А как же вы одна-то?»

И ректор написал записку человеку, который курирует постройку дома и составляет списки претендентов на квартиры. Он сказал, чтобы я пошла и посоветовалась еще и с ним.

Я ходила – поговорить. Тот человек сказал, что дом будет элитный, улучшенной планировки. Красный кирпич, прозрачный лифт, подземный гараж. В центре города. Мне не потянуть стоимость квартиры, даже если я буду 25 лет работать 24 часа в сутки, питаюсь все эти годы исключительно воздухом.

Два «шанса»

Ректор напомнил мне, что, теоретически, можно выйти замуж, и тем самым улучшить свою жизнь.

Я сделала в этом направлении две попытки – попросила знакомых подыскать мне мужа. А вдруг мне, наконец, повезет? И найду я себе «защиту и опору?».

«Жених» нашелся быстро. Пришел знакомиться, когда я еще в квартире на улице Полины Осипенко жила – в общежитие переехать не успела. Звали его как моего папу – это я сочла добрым знаком.

Я пригласила гостя к столу.

В тот вечер я сама осталась голодной. Видимо, я неправильно сервировала стол. Человек не понял, что на столе было две порции еды.

Через несколько дней гость пришел вновь, без телефонного звонка. Еще не разувшись, и не поздоровавшись, он спросил: «А что у нас сегодня на ужин?».

Я пришла к выводу, что эту «защиту и опору» я не смогу прокормить. К сожалению.

Второй «жених» был не самарский. Из небольшого города-спутника – то ли Безенчука, то ли Новокуйбышевска. И у него была фамилия как у моего деда по материнской линии. Я очень обрадовалась этому факту. Даже еще не видя претендента, хотела выйти за него замуж. И взять фамилию

моего деда. Я была уверена, что фамилия этого порядочнейшего человека, каким был мой дед, обязательно сделает меня счастливой. К тому же дед мой был родом из этих мест, из Сызрани (рядом) – была вероятность дальнего родства с будущим моим мужем.

Дядечка был намного меня старше, выглядел солидно. Сказал, что я ему нравлюсь. И что у него большой дом, сад, а хозяйки нет. И что он меня сходу берет замуж, и увозит в свой город и в свой дом – полноправной хозяйкой.

Однако есть небольшая деталь, про которую нужно рассказать, – заключил дядечка с фамилией моего деда. Скрывать, мол, смысла нет – все равно соседи доложат.

Оказалось, что он сидел в тюрьме. У него жена была – сварливая татарка. Он сильно на нее разозлился, и зарубил ее топором. Нет, он не расчленил труп, и не прятал его по кускам в саду. Он сразу пошел и сдался властям, с повинной.

То, что человек убил свою жену – мать своих двоих детей – вовсе не означало, что он убьет меня. Но я почему-то передумала выходить замуж. Я человек впечатлительный. Вряд ли я смогу жить в доме, где зверски убили мою предшественницу.

План Барбаросса

Я переехала на лето в общежитие – бесплатно, была в отпуске – свободна от работы, и у меня были деньги на еду – отпускные, сэкономленные в связи с переездом из съемной квартиры.

Эти благоприятнейшие факторы я решила активно использовать для реализации своего плана, который прорабатывался мной уже 6 месяцев. Я сказала себе: или за три месяца я делаю «прорыв», или бросаю все – работу, страну, профессию, и нанимаюсь на кругосветный пассажирский лайнер посудомойкой. Навсегда. С чего я взяла, что меня возьмут – я не помню. А если не возьмут на лайнер, думала я, то сожгу паспорт и уйду в Сибирь к каким-нибудь отшельникам – староверам. Тоже навсегда. Почему я решила, что староверы примут меня – я тоже не помню.

Но решила, что в вуз возвращаться бессмысленно. Работать, чтобы платить за жилье – и так всегда. Беспросветно.

«Прорыв» по моему плану заключался в трудоустройстве на одно из двух самых богатых предприятий Самары.

Там тоже не раздавали бесплатное жилье, но там были хорошие зарплаты, на которые можно было не только снимать жилье, но и нормально питаться, одеваться и лечиться.

На этих предприятиях господствовала «закрытая» кадровая политика – кандидатов на вакансии рассматривали толь-

ко по рекомендации «своих» а также был очень серьезный отбор с тестированиями, определением уровня интеллекта, и оценкой всех качеств – разнообразных и разных – претендентов.

Потому я называла такое трудоустройство «прорывом». К тому же мне уже было столько лет, что это считалось исключительным для трудоустройства фактом.

Я в летние месяцы многократно активизировала свои проски, которые уже осуществляла полгода – посещала выставки этих предприятий, участвовала в конкурсах, писала письма, отправляла соответствующим службам свои научные статьи и разработки, участвовала в городских мероприятиях, которые эти предприятия финансировали. А также я прогуливалась возле этих предприятий и их филиалов с целью «случайно» познакомиться с их сотрудниками, а в дальнейшем с ними подружиться – и мне удавалось это.

В конце августа я получила приглашение на собеседование... сразу в обе компании. И мне были предложены – одновременно в обеих компаниях – заманчивые должности с хорошей зарплатой.

Я сникла – опять активизировался синдром «Воркута – Ленинград», как насмешка судьбы.

Далее все было – как обычно при этом синдроме. Болезненный выбор, печальный сценарий, сожаления о неправильном выборе. И так далее. По замкнутому кругу.

И опять все – как в картах – «пустые хлопоты».

Заключение

Мой план по улучшению жизни «благополучно», в который уже раз, провалился. Что и как происходило далее – изложено в моих рассказах «Дунь и плюнь, или куда ушел бес», и «Дорогие мои москвичи».

Если прочитать эти два рассказа, то станет ясно, что в последующие – после лета 2003 года – восемь лет моя судьба продолжала «стирать» меня в режиме «интенсивная стирка».

Но есть и хорошие новости. Они дают надежду, что какие-то уроки судьбы я все же усвоила, что-то важное поняла. А это ведь тоже «Виктория»!

У меня с той поры, о которой я пишу в этой главе, никогда больше не возникало проблем с грудью. Значит, я правильно поняла причины этих проблем, и проработала их. И судьба меня больше в этом отношении не наказывает, не учит, не воспитывает.

И этот факт дает мне право сейчас написать, что моя «Печальная повесть про женскую грудь» – закончена.